

ВАСИЛИЙ ПАНФИЛОВ

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

3

Василий Сергеевич Панфилов

Чужой среди своих 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70192672*

Аннотация

СССР! Ленин! Партия! Комсомол! Ну же! Кобзон, Зыкина, БАМ, Целина...

... как это не хотите?!

Вот и попаданец – не хочет! Но Государство, которое называет себя Родиной, не спрашивает, и ГГ, не одалживаясь ни у кого, уже – должен. С рождения.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	41
Глава 3 Рабство начинается с молчания	70
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Василий Панфилов

Чужой среди своих 3

Пролог

Экзамены мне всё-таки дали сдать, вместе со всеми одноклассниками, теперь уже бывшими, изрядно вымотав перед этим нервы и мне, и родителям. Были бессонные ночи, вальс-вальс, слёзы, вызовы на педсовет и в ГОРОНО, бесчисленные справки и начальственные кабинеты с клонированными советскими чиновниками.

Толстые, тонкие, с шевелюрами и залысинами, с очками и без, все они шли в комплекте с незримой, но явственной печатью ГОСТа в душе, если она, душа, у них вообще есть. Любой советский обыватель смог бы опознать в них чиновников – хоть в бане, хоть на рыбалке, да и наверное – в гробу.

Сложно объяснить это словами, но по тому, как они одеваются, по костюмам от фабрики «Большевичка» или из 200-й секции ГУМа, по часам и запонкам, папиросам и пепельнице на столе, поведению секретарши в приёмной и массивности двери в кабинете, можно без особого труда разложить их по папочкам. Согласно должности, стажу и реальному влиянию в организации, и конечно же – согласно влиянию организации в колоде советских бюрократических структур.

Выражения лиц у них такие же, ранжированные. Вроде бы, если не присматриваться особо, то один постоянно шутит, второй, мелкий клерк, сидит с видом Атланта, на сутулых плечах которого держится всё Советское Государство, но нет!

Выражения лиц у них согласно должности, а все эти улыбки и морщины будто натянуты на выданную кладовщиком костяную маску. Независимо от внешности, улыбочивости и морщинистости, маска эта всегда проступает через натянутое поверх неё человеческое «Я».

Чёрт его знает... но я столько намотался по кабинетам, столько насиделся в приёмных, не имея ни малейшей возможности занять себя хоть чем-то полезным, что волей-неволей занялся физиогномикой, небезуспешно пытаюсь пристегнуть к ней психологию. Насмотрелся, наслушался и проникся – до тошноты, до ненависти, до ледяного безразличия и обесчеловечивания чиновников.

Не люди, а функции. Программы, когда – до сих, человечность, потом – человекообразность.

Брызги информации сверху, долетавших до нас в виде редких оговорок, намёков и слухов, в искажённом виде доносящихся через знакомых, говорили о том, что вся эта история, болезненная для меня и родителей, только часть Большой Игры. Не знаю, как назвать номенклатурные игры советской бюрократии, когда устраивают провокации и подставы

соперникам, и часто – опосредованно.

Вот и я... опосредованно. Кто-то там, не слишком высоко, но всё ж таки наверху, решил сыграть на сионизме, воспользовавшись вниманием Государства к проблеме евреев и Израиля.

Всё это оказалось раздуто, искажено и...

... перехвачено.

Кто именно, сказать почти невозможно, брызги противоречивы, а клубок интриг так велик и запутан, что концов и не найти, по крайней мере – не нам. Понятно только, что вся эта нелепая история с молодёжной сионистской организацией в школе, это только малая, а вернее даже – ничтожно малая часть интриги.

Сионизм наш, к слову, тоже замяли, но как водится в Союзе – не до конца. Где-то там, в пыльных шкафах и головах, хранятся личные дела всех участников, и буде придёт такая нужда, папочки достанут и сдуют с них пыль.

Потому и ненавижу! Потому что мы для них – винтики, а наши судьбы – смазка Государственного Механизма, уродливого и безжалостного Молоха, в котором всё приносится в жертву невидимому триединому богу Коммунизма.

Страна-секта, в которой нет прав и свобод, кроме права жить так, как предписывает Партия, и свободы умереть, если тебе это не нравится.

Страна, в которой идеология – это догма, не подлежащая пересмотру, и если действительность вступает в противоре-

чие с идеологией, то тем хуже для действительности!

Страна с личной ответственностью Личности перед Государством, и коллективной безответственностью Государства перед Личностью, в которой ты с рождения – должен.

Страна...

... в которой я не хочу жить, и уж конечно – не хочу и не буду спасать.

Глава 1

Розовый закат

Возле школы уже собираются великовозрастные ученики, ведущие неспешные беседы о плане, рыбалке на прошлых выходных, начавшемся охотничьем сезоне, перспективах «Динамо-Москва» и коликах младшенького. Все курят, как в последний раз, хотя потом, на первой же перемене, всё повторится, а потом снова и снова...

– Здравов... – пожимаю несколько рук, мозолистых, с навеки въевшейся грязью и машинным маслом, и встаю рядом, не говоря лишних слов. Где же... а, вот!

Чуть мятая пачка «Примы», плексигласовый мундштук, коробок спичек, прикуриваю, и, чуть задержав дыхание, выдыхаю через ноздри струйку едкого дыма, раздражающего слизистую.

– Наш, – негромко объясняет Петрович прибившемуся к компании мужику из соседнего цеха, – жидёнка вот, на перевоспитание отдали, в рабочий класс.

Он ещё что-то говорит, а я...

... затагиваюсь, стараясь не вслушиваться. Объяснять, что это вообще-то – тоже антисемитизм, бессмысленно, да я и не берусь.

Антисемитизм – это там, в Америке! Одновременно ещё

и сионизм, а как это уживается – парторг по методичке объяснит.

Квоты на Западе для негров, евреев и узкоглазых, понимаешь? В университеты! На работу не хотят принимать, гнобят всячески!

У нас? Ты не понимаешь, это другое! В Америке негров линчуют, расизм и апартеид с отдельным обучением! А у нас специально для негров и узкоглазых целый университет построили!

... в общем, это не антисемитизм, понимать надо! Ну и я понимаю... стараюсь, по крайней мере. Хотя скорее – не понимаю, а принимаю, потому что, а куда я, собственно, денусь?

Ну да привык уже. Здесь, в СССР, много такого – когда понимать надо! Правильно понимать, по спущенной сверху методичке, и если она противоречит реальности, то тем хуже для реальности! Подстраиваться надо под методичку, потому как – умные люди писали, не тебе чета...

Вот положено понимать, что у нас – дружба народов, и точка! Умные люди говорят, в ЦК.

При этом отношение к выходцам из Средней Азии или Кавказа – не всегда, но часто – пренебрежительное, как к умственно отсталым. Младшие братья. Дикие совсем. С гор спустились, из пустынь вышли, из лесов – за солью и спичками.

С другой стороны, в Средней Азии или на Кавказе постро-

ить карьеру, не будучи представителем «титульной» в республике нации – большая проблема. Особенно, почему-то, для русскоязычных, остальным чуть проще.

А квоты национальных меньшинств для поступления в ВУЗы?

Представитель какого-нибудь малого народа поступает «на раз», едва ли не куда угодно, и уровень знаний при этом – ну совершенно не важен! Тянут до выпуска, зубами скрипят, но выдают дипломы, а потом – пихают, куда угодно, лишь бы вреда не было! Чаще всего – на повышение, до пределов полной некомпетентности.

Хорошая была ведь идея... когда-то, очень давно. А теперь – как это и бывает в СССР, исказилась в кривом зеркале идеологии, став совершеннейшим даже не идиотизмом, а вредительством!

Я, как еврей, могу многое рассказать об антисемитизме, которого в СССР – нет...

... и полагаю, ничуть не меньше мне смогут рассказать о русском национализме узбеки или азербайджанцы, бывающие в России.

У русских, украинцев и белорусов, проживающих, прежде всего, в южных республиках, тоже найдётся много интересного материала о жизни представителей не титульной нации в национальной республике.

Но это всё – привычно, обыденно, многие и не замечают,

не понимают, насколько всё криво! По телевизору же говорят о дружбе народов! В телевизоре врать не будут!

А я, со стороны – вижу прекрасно, как это всё может рвануть, в любой момент! И бывает – прорывается, да ещё как... просто говорить об этом не принято.

Потому что так-то – свобода... но могут придти люди, быстро махнуть перед лицом красными корочками, не давая прочитать фамилию и звание, и объяснить, что нельзя клеветать на советский строй и распускать слухи, порочащие советский строй. Но это, конечно, крайности – корочки, я имею в виду. Достаточно профорга или парторга, который и объяснить сумеет, и внушить – премией, пролетевшей мимо носа, или путёвкой, которой теперь – нет, и не будет.

Затягиваюсь, стараясь не вслушиваться в разговор, перетёкший с меня, правильного жидёнка, на тех, которые вообще и неправильные, на израильскую и американскую военщину. Разговор не для моих ушей, а что у меня слух хороший, а у мужиков с «Трёхгорки»¹ севший от работы в шумных цехах, так это мои и только мои проблемы...

– Миша! Пока не забыл! – окликнул меня Петрович, прервав увлекательную (в лучшем стиле РенТВ) беседу о жидомасонах среди нас, – Завтра собрание после работы, будем осуждать попытку контрреволюционного переворота у чехословаков, присутствие обязательно. Понял?

¹ 1936–2020 – «Трёхгорная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского»

– Бля... – с досадой протянул я, представляя, как мне, после работы по сокращённому для несовершеннолетнего графику, нужно будет к вечеру опять переться на работу и слушать...

... а потом – отвечать на вопросы лектора в зал, потому что я – самый молодой, и вообще – перевоспитываюсь усилиями рабочего коллектива. Положено демонстрировать перевоспитание, вот и...

– Обсуждать, – поправил Петровича незнакомый мне молодой парень с длинными, до плеч, грязноватыми волосами и жидкими усами, начавшими отращиваться в модную «подкову».

– Чего? – не понял Петрович, повернувшись к нему и уставившись совершенно бараньим взглядом исподлобья.

– Обсуждать, а не осуждать, – повторил парень, не понимая невербальных сигналов и нарываясь.

– Сперва обсуждать, а потом осуждать, – отмахнулся от него мой наставник, не желая вдаваться в частности, и развернувшись было к приятелям.

– Это не одно и то же... – не унимается парень, и я, хмыкнув беззвучно, погасил папиросу и спрятал бычок обратно в пачку – для отчётности перед самим собой. Курю я только вот так, с народом... ибо, ети его, магический ритуал, опознавательный сигнал «свой-чужой», а я и так – чужее некуда! Если ещё и портвейн перестану пить в компании – вообще хана!

– ... обсуждение не предполагает...

– На хер пошёл! – услышал я, уже будучи в дверях, и там, за моей спиной, начал набирать силу монолог – с матом, повышенными тонами и нотками праведного гнева на сраного умника, который (сопля зелёная!) старших учить вздумал!

А здесь это – ого! Возраст в споре – реальный довод, и, к примеру, то, что я с мужиками за руку здороваюсь, для нормального советского подростка в этом времени и в этом срезе общества – нешуточный повод для гордости. За мужика держат, взрослым считают! Признали!

– Да ну нахер, – проговариваю одними губами и усмехаюсь, ускоряя шаги, чтобы меня не зацепило брызгами ссоры. Если меня не видно и не слышно, то и не прилетит потом – за компанию, как бывало не раз.

Петрович так-то мужик неплохой, и как наставник – не самый худший вариант, но – тиран и самодур, что вместе с привычкой (не осуждаемой в этом времени) распускать руки, делает наше с ним общение несколько более сложным, чем мне хотелось бы. Хорошо ещё, они с отцом нашли общий язык, а так бы, наверное, ещё сложнее было бы.

– Елизавета Антоновна, здравствуйте! – увидев пожилую «химичку» я искренне обрадовался, заторопившись на встречу ей, на ходу вытаскивая из рюкзака учебник химии с пометками, – Вот, посмотрите, я тут...

– Миша? – близоруко прищурилась та, поправляя очки,

сползшие на кончик длинного, породистого носа, – Здравствуй! Что там у тебя? Я много времени не могу уделить, к докладу материалы готовить надо, о контрреволюции в Чехословакии.

– Две минуты! – прошу я, открывая нужные страницы и скороговоркой вываливая на неё информацию. Играть вот так, обманывая хорошего человека, неловко, но... а куда деваться?

Зато как искренне она радуется моим успехам! Советует что-то, достала вот недавно замечательный ВУЗовский учебник – старенький, списанный уже, но вполне годный, и даже пометки на полях – в тему, а не о сиськах-письках.

Не все такие. Очень не все. Но в целом, конечно, педагоги здесь куда как лучше, чем в моём времени – и по «классности», и по человеческим качествам.

Ну и опять же – зарплата. Она и так-то вполне приличная по здешним меркам считается, так ещё, если школа «подшефная», педагоги получают доплату от предприятия, и ишачить на две ставки нет необходимости.

Опять же – путёвки. Не только от ГОРОНО, но и от завода, в данном случае – от «Трёхгорки», так что отдача – соответствующая!

Ну и вечерняя школа, опять же – своя специфика. Здесь не прикрикнешь на ученика, авторитетом не надавишь, а непонятное, если кому надо, переспросят не по разу, так что и объяснять умеют.

– ... понял? – переспросила учительница, – Вот здесь... Она зашелестела страницами учебника.

– ... посмотришь, хорошо? Да! В понедельник напомни мне, наша группа собирается у однокурсника на даче, юбилей у него, я о тебе расскажу, может, посоветуют чего, или книги отдадут. Списанные, но тебе ведь всё равно, верно?

– Конечно-конечно, Елизавета Антоновна, – закивал я так, что заболела шея, – мне ж не на полочку поставить!

– Ладно, ступай, – попрощалась она, и вздохнула, покосившись на висящую на стене наглядную агитацию, состоящую из пенопласта и плохо скомпилированных цитат – что-то там про радостный труд на заводах и фабриках, в лучшем стиле (и в худшем вкусе) тридцатых годов.

Я машинально покосился туда же и тоже – вздохнул... Не УЖАС, но – ужасающее уродство!

В прежней моей школе агитация тоже была, но поскольку в ней училось и учится много детей из не самых простых семей, то и уровень – соответствующий. С агитацией там не учителя напрягались, а ученики с художественной школой за плечами, а нередко, и их родители.

На уровне класса всякое бывало, но на уровне школы, в школьных коридорах и тем паче вестибюле, попадались и поделки членов Союза Художников, иногда – вполне себе лауреатов! Расплата за выбитые отпрысками окна, курение (о ужас!) в школьном туалете, драку на школьном вечере

или вызывающее поведение, заключающееся, как правило, в «неуставной» причёске и одежде.

Симпатично смотрелось. Понятно, что агиточки, часто тупенькие и никак не бьющиеся с реальностью, но оформление – на самом высоком уровне! Глаза, по крайней мере, не резало, и сознание воспринимало это как попытку украшения – вроде бабушкиного ковра на стене, повешенного не только и даже не столько для красоты, сколько ради того, чтобы от стены холодом не тянуло.

А здесь... проблема даже не в том, что это вечерняя школа. Вечерняя она, собственно, по вечерам, а так-то – вполне обычная, но контингент...

Наверное, здесь учатся не самые плохие ребята и девчонки, но скажем так... пролетариат. Потомственный. Не в каждом классе есть хоть один ученик, который параллельно посещает художественную или музыкальную школу, хотя не сказать, что их туда не тянут – тянут, да ещё как! Просто... ну, не складывается у местных школьников с искусством.

Лауреатов среди родителей тоже как-то... не очень, и делают наглядную агитацию либо учителя – в качестве бесплатной нагрузки, либо ученики, у которых с искусством – не складывается. И хотя всё это, на самом деле, решаемо, но – есть ещё и руководство, у которого – вкусы!

Нравится руководству такой китч, от которого у меня мозги наизнанку выворачиваются, и поделаться с эти ничего нель-

зя – потому что оно, руководство, сформировалось в эпоху агиток, сельских клубов и «Даёш!», и перестроиться, в силу возраста и заскорузлости мышление – не хочет, да наверное, и не желает.

– Да, агитация... – соглашаюсь я, и, сделав несколько шагов дальше по коридору, выпаливаю, оборачиваясь, и уже заранее жалея, – А давайте я вам помогу, Елизавета Антоновна? В четыре руки, а?

– Ой, Миша... – покачала головой учительница, улыбаясь тепло, – спасибо, но когда этим будешь заниматься?

– Ну, так... – пожимаю плечами, – найду время! Если у вас срочного ничего нет, так почему бы и не да?

– Почему бы и не да, – повторила она, рассмеявшись, – прелестный одессизм! Но всё-таки, Миша, нет, ты и так очень сильно загружен!

– Елизавета Антоновна! – я забежал вперёд, озарённый идеей, – Это ж можно как шефскую помощь от Трёхгорки провести! Ну или как что-то там... культурно-массовое! Не знаю, вам видней! Меня ведь и так, как самого молодого, на заводе всякими общественными поручениями начали грузить! Так я лучше здесь, при школе! Оно ведь и по возрасту, и вообще...

– Ох, Миша... – снова засмеялась она, – хитрец! Но ты прав, в самом деле – мне иногда времени на всё это не хватает, а поручать эту работу другим ученикам не всегда удобно. Взрослые, работающие люди, почти все – семейные, ну куда

их ещё и общественной работой нагружать?

– Вот! – киваю часто-часто, – А я разика три-четыре в неделю спокойно выделяю на такое! На заводе ж всё равно нагрузят, но здесь, с вами, интересней, да и...

Сделав вид, что смущаюсь и договариваю:

– ... всегда можно будет спросить у вас, если что-то непонятное в книгах попадётся! Не только по химии, но и вообще.

Вот сейчас я почти не лукавлю, учительница открыла мне несколько советских писателей, о которых я либо вообще не слышал, либо не читал, и сейчас открываю для себя не то чтобы новый мир, но скажем так – новые грани. А ещё – классика, которая, оказывается, не исчерпывается школьной программой, и не то чтобы я этого не знал...

... но тем не менее!

– Хитрец! – с удовольствием повторила она, сделав шаг ко мне и ероша волосы, Но ведь и правда, ты здорово придумал! Наставник твой сегодня в школу пришёл?

– Да, Елизавета Антоновна, – обрадовался я, – на крыльце курит, с мужиками.

– Ох, куряги... – вздохнула она, поправив очки, сползшие к кончику потного носа, – Ну ты иди, иди! Я сама с ним поговорю.

– Спасибо!

Настроение взлетает вверх, и, отбивая на ходу чечётку, я влетел в класс и закружился в танце, бросив рюкзак на парту.

– Во даёт! – бесхитростно восхитился Сашка, простоватый и малость недалёкий, но очень надёжный деревенский парень. С двенадцати лет он подменял на тракторе отца, а с четырнадцати пришлось работать «за мужика», вытягивая младших вместо провалившегося под лёд отца.

В «вечерке» он уже третий год, и, полагаю, десять классов он окончит года за три-четыре, потому что работа, семья, дети... Но тем не менее, в планах у него – ВУЗ, и то, что Сашка окончит его лет в тридцать с гаком, парня особо не смущает.

Учиться он собирается по направлению от Завода, а значит – будут тянуть всеми силами, и почти наверняка – вытянут! Какой из него при этом будет специалист, вопрос отдельный.

Но человек, тем не менее, хороший... хотя это, разумеется, не специальность!

– Они все такие, – не сразу отозвался из своего угла неопрятный парень, прекратив на время грызть ногти, – лишь бы не работать нормально.

Оставив это высказывание без ответа (но настроение, мать его, качнулось чуть вниз), сел за парту, принявшись разбирать рюкзак.

– Сделал? – с напряжённым видом поинтересовался Вадим, сидящий с приятелем через парту позади от меня.

– Угум.

– Дай! – Он не попросил, а потребовал, но ссориться я не стал, чёрт с ним!

Почти вырвав тетрадь у меня из рук, он вернулся к себе и принялся судорожно переписывать домашку. Класс, тем временем, наполняется учениками и запахами – табака, машинного масла, пота и перегара.

Дело не в культуре, а скорее – в инфраструктуре. Душевые имеются не на каждом предприятии, а после работы парней ждёт общага, где душ один на этаж, и часто – просто не работает.

Ну и так... выпить на работе за большой грех не считается, и насколько я помню, считаться не будет. С утра «поправить здоровье», в обед – как не выпить рабочему человеку? Ну а вечером – то день рождения у кого, то «копытца» новорожденного обмывают, то день в календаре красным цветом отмечен.

Пьют! Статистику не знаю, не интересовался, но по ощущениям – много больше, чем полвека спустя.

В моём классе в основном молодёжь, в девярых-десярых редко можно встретить людей возрастных, ибо – ну на хрена?! Если у кого-то из-за войны или в силу иных причин не вышло окончить среднюю школу, то да, его пихают учиться от работы, но – строго до восьмого класса, а дальше – по желанию.

Ну и какое будет желание у сорокалетнего мужика, вполне состоявшегося как профессионал, или напротив – смирившегося с жизненной неудачей? Учиться до упора, чтобы по-

ступить в ВУЗ или техникум? Х-ха!

Домой! По дороге пивка взять или водочки, а дома поесть картошечки жареной с капусткой квашеной, бахнуть стопочку, и – во двор, в домино с мужиками! Ну или в телевизор воткнуться, у кого он, телевизор, есть.

Какая там, к чёртовой матери, школа? Какие домашние задания?!

По несколько лет в одном классе сидят, годами. При отчаянной помощи благожелательных педагогов и коллектива родного предприятия, доползают до восьмого, и баста! Финиш.

Облегчённый выдох человека, выполнившего тяжёлую миссию, и – домой, в родную коммуналку или общагу, к телевизору и домино. Большинство если и продолжит что-то читать, то разве что вывески магазинов и газету «Советский спорт». Да может быть, на больничном и в скучном санатории, позабытый кем-то журнал или детектив.

Поэтому – молодой класс, что и логично, но...

... не хватает порой пары-тройки взрослых, за сорок, но ещё крепких и авторитетных мужиков. Как Петрович – чтобы авторитет возраста, профессионализма и кулаков, которыми свай забивать можно.

Потому как возраст у моих одноклассников – тот самый, с которым на танцы подраться, с дрекольем в соседнюю деревню, и – померяться уровнем тестостерона! В залупу лезут по поводу и без, потому как – пролетариат, возраст соответ-

ствующий, да ещё и класс – свеженабранный, с не устоявшими рангами в обезьяньей стае.

Девчонки, а вернее – женщины, у нас есть, но мало, и погоды они не делают. Одна, Тонька, ищет себе нового мужика, а ребёнку – отца, и она вся – в поиске!

Предыдущий оказался, как бабы говорят, «лётчиком», и надув малолетке пузо, испарился, оставив романтическое послевкусие, несколько писем и единственную фотографию. Сыну, если я правильно понимаю разговоры Тоньки, будет рассказано о «секретном космонавте» или ещё что-то в этом духе. Дама она не великого ума, и в школу, не особо скрывая, пришла в поисках мужа – трудолюбивого, перспективного и не слишком избалованного.

Я к такому поиску отношусь скептически, но это СССР, и при определённых обстоятельствах она может затолкать в ЗАГС мужика, который отчаянно этого не хочет. Даже если пуза нет, но обстоятельства есть, то – пойдёт как миленький, или как вариант, уедет к чёртовой матери на комсомольскую стройку, потому что здесь ему нормальной жизни – не будет.

Партком, профком, рабочий коллектив... и образуется новая ячейка общества, в которой муж смотрит на супругу волком, и сразу понятно – будет бить! А она, соответственно – пилить, скандалить, жаловаться во все инстанции...

... и это, по мнению многих, нормально, все так живут! Ведь главное – семья, верно ведь? Чтоб у ребёночка отец был! А как иначе-то?!

Одни мои одноклассники от Тоньки шарахаются, другие играют в своеобразную «русскую рулетку», потому что с одной стороны точно известно, что она – «даёт»! В подробностях известно – кому, как, где и сколько раз.

А с другой... ну да взрослые люди, даже если только по паспорту.

Четверо других женщин, детные и замужние, встречаемые после школы мужьями, в лучших традициях Северного Кавказа, держатся своей компанией, дистанцируясь от парней. Потому что иначе – слухи, иначе – разборки, иначе – неприятности!

Сейчас только середина сентября, а уже один из мужей приходил в школу – разбираться. Обошлось без драки, но «общительному» парню «поставили на вид» с занесением информации руководству школы и в профком, и казановы притихли, а дамы сепарировались от нас почти до полного игнорирования.

– Забери! – и тут же в затылок, сбивая мысли, прилетела тетрадка, упавшая на пол. Один из парней, проходя мимо, нечаянно на неё наступил, сминая и разрывая страницу.

Нечаянный виновник, чертыхнувшись походя, извинился и забыл об инциденте.

– Га... – с вызовом сказал Вадим, оскалившись металлическими зубами, – какой я неловкий!

Парочка дружков хохотнула, остальные же не обратили внимания на рядовую, в общем-то, сценку. В здешней иерархии я – самое слабое звено.

А иерархия здесь... мне лично приходит в голову сравнение со стаей бабуинов. Понятно, что утрировано, понятно, что это личное восприятие... но тем не менее, ассоциация такая есть, и не сказать, что она вовсе уж беспочвенная.

Возраст и тестостерон, да ещё и в новом коллективе, это на бессознательном уровне работает! Да ещё и – пролетариат, и последнее – не диагноз, а констатация факта.

Парни они, в большинстве, неплохие, и, в общем, не самые глупые. Но среда, в которой выросли и состоялись мои одноклассники, весьма агрессивная, с жёсткими поведенческими паттернами – и на «свой-чужой», и на возраст, и, чего уж греха таить – на национальность.

Почти всем я пока неинтересен просто в силу возраста. Но некоторых, помимо возраста, аж коротит от того, что они в одном классе с малолеткой – как постоянное напоминание, что они – не самые успешные, не самые умные...

Ну и национальность, она тоже сказывается! Большинству, полагаю, на мою нацию плевать, если антисемитизм и просачивается, то он почти «домашний», можно даже сказать – «ламповый», не осознаваемый таковым.

Но последнее не в моём случае. Не знаю, специально так вышло, или вернее всего, случайно, но о «сионизме» народ в курсе, и хотя толком ничего не знает, но на всякий случай

сторожится – по разным причинам...

Полагаю, через месяц-другой я вольюсь в коллектив, и хотя вряд ли стану душой компании, но буду более или менее своим, хотя и чуть наособицу. А пока – так...

... пока – проверка на прочность от дурака, и на этот раз – не получится съехать на улыбочках и шуточках, на этот раз – надо отвечать!

– После школы поговорим, – обещаю ему и отворачиваюсь.

– Слышь... – срывается тот со своего мечта, и тут же садится назад.

– Здравствуйте, Валентин Ильич! – недружным хором приветствуем вошедшего учителя физики и математики. Среднего роста, крепкий, уже немолодой, в старящих его роговых очках, с намечающейся залысиной... и той уверенностью в себе, которая искупает любые недостатки внешности, делая их малозначимыми.

– Садитесь, – коротко велел он, открывая журнал и быстро сверяясь со списком присутствующих и внешним видом.

– Сразу – кто не готов и почему в этот раз? – сухо вато поинтересовался он, обведя класс острым взглядом.

– Колики у младшего, Валентин Ильич, – тут же ответил Сашка, – Учил, вроде знаю – но сам чувствую, что слабо, и не выспался, поплыть могу.

– Ясно, – кивнул педагог, мельком глянув на того, – ещё кто?

Призналось ещё несколько одноклассников, но судя по всему, Валентин Ильич не все причины счёл уважительными, и, устроив блиц-опрос, покачал головой и сделал пометки в журнале. Спорить, впрочем, с ним никто не стал – авторитет педагога в этом времени вполне весом, а в случае Валентина Ильича это ещё и авторитет фронтовика, прошедшего от границы до Москвы, а потом и обратно.

Медалей и орденов... достойно, и даже более чем. Да не юбилейных, а боевых! А ранений – ещё больше...

... и всё это – в войсках НКВД.

А там – и в прорыв бросали, и в тылах действующей армии – в качестве заградотрядов, и – исполнение приговоров...

Потом – Западная Украина и Литва, и только потом – демобилизация. Стройка... и вечерняя школа, завод... и вечерний ВУЗ.

Сложный человек. Неоднозначный. Но... интересный, не без этого.

В СССР вообще много такого – неоднозначного. Вот так вот если, со стороны, то... как его оценить?

Все шаблоны в голове рвутся, и нельзя даже сказать про время, которое было «другим», или про то, что нужно отпустить прошлое.

Время, оно и сейчас... недалеко ушло, и может, если надо, вернуться!

Да и прошлое... вот, ходят по улицам такие, как Вален-

тин Ильич, готовые, если надо – снова! В безнадежную атаку или приговоры исполнять – как Партия прикажет! Не задумываясь.

А по тем же улицам – власовцы бывшие. Лесные братья... и прочие – проигравшие, отсидевшие, искупившие... но далеко не всегда – смирившиеся!

В две тысячи двадцатых всё это было далёким прошлым, а сейчас оно – совсем недалёкое...

– Савелов! – голос учителя ожёг меня кипятком, – К уроку готов?

– Да, Валентин Ильич! – вскакиваю я, вытягиваясь в струнку. Сухой кивок в ответ, и следующие несколько минут меня гоняют по теме вдоль и поперёк, а потом – дополнительные вопросы.

– Садись! – и ни оценки в журнале, ни просто – оценки. Одна из тех мелочей, на которые невозможно реагировать однозначно.

Придирки? Антисемитизм? Весьма вероятно, ибо Валентин Ильич и «Дело врачей» успел застать, да и до этого «иудейский вопрос» в СССР, а тем более в органах, стоял достаточно остро.

Не могу сказать, что вовсе уж на ровном месте...

... но тема эта сложная, а у меня сейчас и возможности покопаться в архивах никакой, и – ломка мировоззрения под национальность, я сам понимаю – с перехлёстом иногда проходит.

Обыденные вещи – когда ты русский, и они же – когда ты еврей, это очень разная обыденность! Да и национальный вопрос, он в обе стороны работает.

Но спрашивает Валентин Ильич всегда по делу, предельно корректен в общении и весьма неплохо подмечает «узкие» места моих математических познаний. Так что расцениваю это как тренировку перед выпускными, и если повежёт – вступительными экзаменами.

А мимика и мелкая невербалка... да и чёрт с ними. Не самая большая проблема, на самом-то деле.

Наконец прозвенел звонок, учитель, собравшись и дав домашнее задание, вышел из класса, и одноклассники разом загомонили, как прорвало!

– Сучёныш! – прошипел Вадим, проходя мимо...

... и от подзатыльника я почти успел увернуться, но – хватило! Нокдаун, мать его... полноценный нокдаун!

– Вадим! – басовито рявкнул староста, заметив конфликт.

– Панков! – прозвучало возмущённое контральто Натальи, самой «взрослой» из наших женщин, и самой притом красивой, – Ты что творишь?!

... а я, с ещё гудящей головой и озлившийся так, что ещё чуть – и вовсе тормоза откажут, уже вскакиваю из-за парты, и, вкладывая вес всего тела, бью прошедшего мимо Вадима по почкам.

Краем глаза заметив мясистый кулак Вадимова приятеля, по широкой дуге несущийся к голове, пригибаюсь, чув-

ствуя, как ерошат волосы костяшки, и бью коленом в солнечное сплетение, рванув за рубашку навстречу.

Секунда... две? Не знаю! Но, снова развернувшись к Вадиму, нелепо выгнувшемуся, с искажённым от боли лицом, и бью основанием ладони в затылок.

– С-сучёнышь?! – выплёвываю при ударе, – Маму мою?

... и уже не обращая внимания за сползающего по парте мужика, шагаю к третьему из этой компании. Но тот, отшатнувшись, запутался в ногах и упал на жопу...

– Стоять! – негромко рявкнул староста, останавливая даже не меня, а начавшийся хаос, – А ну тихо все! Не помогать, я кому сказал!

– Наталья! – он уставился на женщину, – Знаешь, в каком классе его наставник?

– Ясно, – коротко ответила та, и только дверь хлопнула.

– Ты... – он уставился на меня, а я – в ответ... На меня эта «бычка» ещё в той жизни перестала действовать, классу к восьмому. Своеобразный у меня был класс, из серии «пацаны ваще ребята», и чуть не полкласса сразу после школы к «успеху» пошло, но «фортануло», как легко догадаться, не только лишь всем.

– С тобой я потом поговорю, – коротко пообещал староста, многозначительно, как он считает, нахмутив брови.

– Этих, – коротко показал он на побитых, – подхватили под руки, и на улицу! В школе ещё не хватало... Ну, пошли! Поговорим...

– Комсорг сраный! – выплёвывает Петрович, отодвинув меня за спину и хищно растопырившись всей фигурой, – Порядок в классе обеспечить не можешь, а туда же – цитатами, как козырями, швыряться! Заучить, оно и попка может, который дурак, а ты, сопля, делом докажи!

Иван повёл напрягшейся шеей, побагровел и шагнул было вперёд – не то для драки, не то для доходчивости выражений, которые нужно говорить непременно в лицо оппоненту, и чем ближе, тем лучше – желательно придерживая того за грудки.

– Ну? – подначил его Петрович, и хотя я не вижу его лица, но представить могу очень живо, и скорее всего – не ошибусь, – Давай, давай...

Выдохнув, староста усмехнулся и шагнул назад, не став ругаться. Не думаю, что он боится: не трус, да и габариты у них с Петровичем примерно одинаковые, разве что Иван несколько рыхловат, что с возрастом скажется и на фигуре, и на фактуре, и на здоровье.

Лет через десять из него выйдет этакая классическая расплывшаяся чугунина «маде ин Совок» с залысинами, язвой и геморроем, вросшая в начальственное кресло...

... если, разумеется, он не споткнётся в самом начале Пути!

А он жёстко нацелен на карьеру в партийных органах, и скорее всего – всё у него получится!

Система уже подгнивает, и дети чиновников, за редким исключением, делают карьеру чиновников, но разумеется – сугубо за счёт собственных талантов. Всё, собственно, как всегда...

Социальные лифты пока работают, хотя уже – со скрипом. Но тем не менее – работают, и не могу не признать, много лучше, чем в моём времени.

К лозунгам уже относятся скорее скептически, а к некоторым и без «скорее», но карьерный рост, хотя бы на примере отдельных представителей народа, это то небольшое, что не должно вызывать сомнений.

Хороший хозяйственник или инженер-производственник, обладающий при этом должной моральной гибкостью, ценится. Карьера для них не то чтобы обеспечена, но – возможна.

А есть – плакатные Герои, с правильными биографиями и желательно – внешностью. Не арийской, а той самой – чугуниевой, проглядывающей из самого нутра и ценящейся в структурах Партии.

Иван как раз из таких – бывший комсорг школы в родном колхозе и комсорг роты – в армии, грамоты за участие, социалистические соревнования, благодарности и поощрения за всё хорошее и против всего плохого. Наверное, если покопаться, можно найти открытку от нянечки из детского сада, в которой та хвалит Ванечку за умение ходить на горшок и кушать кашу.

Он прекрасно умеет говорить языком плакатным и народным, не замечать чего-то, чего замечать не полагается, и подмечать, а потом бичевать и клеймить любые мелочи, если так – Надо. Хороший ли из него получился бы политик в обычной европейской стране, я не знаю, а вот партийный деятель выйдет прямо-таки эталонный! Притом, как мне кажется, совершенно неважно, как именно будет называть Партия – КПСС или совсем даже наоборот...

... лишь бы она была Правящей.

Но последнее, разумеется, сугубо мои домыслы, а ещё – есть у меня странные мысли, что с биографией и происхождением у него не всё так гладко, как написано в анкетах. У меня и самого не всё так просто с анкетами и биографией, и здесь, в этом времени в этой... хм, национальности, вещи такого рода я привык улавливать по мельчайшим признакам, по косвенным данным, по оговоркам и вилянию взгляда.

А что там... вот честно, не знаю и понять не могу. Может, у него дедушка из наших, с интересной судьбой, репрессированный без права на реабилитацию. А может – всё наоборот, и у него папа – из пленных...

В СССР ни одно, ни второе, не является особой редкостью, но да... карьеру может попортить знатно! И такие, с пятном, обычно праведнее Папы Римского, по крайней мере – в вопросах идеологических.

– ... пиздюка три долбоёба гнобят, а ты что, каждый раз в сторону смотрел? – продолжает отчитывать старосту Пет-

рович.

Его ничуть не смущает, что... хм, пиздюк отоварил двоих взрослых мужиков, и что рост, да и телосложение, у нас в общем-то одинаковые. Вешу я, в силу возраста, поменьше, но не намного, и притом жилистый и поджарый. А Вадим – худой, длинноногий и длиннорукий, но при этом с отчётливым животиком, очень его не красящим.

– В самом деле! – поддакнул Валентиныч, крепко поддающий (но знающий свою норму!) токарь, самый возрастной в классе Петровича, воспринимающий школу скорее как клуб по интересам и хорошую компанию, – Не дело! Надо будет, мы нашему жидёнку сами уши накрутим и лещей насыпем полную пазуху, но то – мы! Он, тля, наш жидёнок! Понял?!

– Точно! – загомонили мужики, дополняя друг друга, – И батя у него хоть и еврей, но наш, советский! Мужик! Ладони – во! Мозоля!

Глаза защипало... дурацкий возраст! Вот какого чёрта... а всё равно здорово, когда ты – свой!

Чёрт... до меня внезапно дошло и дурацкое умиление с щипание в глазах схлынуло, как и не было.

«– Свой-чужой, – мрачно констатирую я, вслушиваясь в свару, – проблема не в том, что взрослые до подростка доколупались и «строить» пытались – в меру своего скотского понимания. Петрович, Валентиныч и прочие авторитетные и возрастные мужики возмущены прежде всего тем, что ка-

кие-то (тля!) посторонние парни пытаются воспитывать их (!) жидёнка.

Они – право имеют, и бывает – пользуются, хотя палку, в общем-то, не перегибают. А какие-то, тля, посторонние, да ещё и сопляки, поперёд старших?! Крушение, тля, основ бытия!

А то, что я отоварил этих долбаков с Хлебозавода, так это нормально и правильно, и вообще – я ж с Трёхгорки, да с такими наставниками! Как иначе-то?»

– Да я этого сучёныша... – подал голос Вадим и выругался грязно, сплетя воедино мою маму, папу, зоопарк и сельскохозяйственный инвентарь.

Выдохнув, Иван повернулся к нему и смерил тяжёлым взглядом.

– Переведёшься, – коротко велел он, надавив голосом, – Куда и как – не знаю, и знать не хочу, но чтобы в школе я тебя больше не видел! А в Комитет Комсомола...

Он сделал паузу, давя на побледневшего Вадима осознанием катастрофы.

– ... я лично докладную напишу, и... – он усмехнулся жёстко, – прослежу.

Короткая пауза...

– Простишь? – староста сделал шаг ко мне, прямо глядя в глаза, – Я видел, но... чёрт, не вглядывался, что ли...

Пожатие рук... а куда я, собственно, денусь?

– Вы правы, мужики, – уже к Петровичу и прочим, – про-

стите! Недоглядел!

Шагнув вперёд, он согнул шею перед Петровичем, и тот врезал Ивану хороший такой подзатыльник.

– Будешь в другой раз глядеть в оба, – ворчливо, но уже отпуская проблему, сказал наставник, – Внял, комсорг?

– Внял, – улыбнулся староста, пока ещё не зачугуневший, – спасибо на науку!

– А ты тоже... – Петрович коснулся моего затылка рукой – не то дав символического подзатыльника, не то просто неловко ероша волосы, почти по-родственному, – хорош! Мы ж кто? Коллектив, ети! Если проблема есть, или не понимаешь чего, так я тебе на што? Понял?

– Понял, Петрович, – киваю я.

– А меня не будет рядом, – продолжил наставник, – так вот хоть к Валентинычу! Он мужик дотошный и справедливый, чуть что случись – так хоть до самого директора дойдёт, а то и повыше, тем более – в Партии состоит!

Киваю, переводя взгляд на Валентиныча, улыбающегося мне, как беззубая гиена, и пытающегося одновременно прикурить «Беломорину». Так-то он мужик вредный и такая ехидна, что не приведи Господь... но покивать можно, не убудет. Авторитет возраста, опять же.

– Ну, всё... порешали, – постановил Петрович, – на уроки пора, сейчас зазвенит. И это... давайте, чтоб без слухов всяких! Нечего учителям статистику и настроение портить!

– А вы... – он уставился на Вадима с друзьями, – брысь!

Домой я пришёл поздно, чуть ли не полночь, долго шатаюсь по улицам и пытаюсь собраться с мыслями и чувствами. Я еврей...

... но перестал ли я быть русским?! А может, просто не заморачиваться, и принять себя как есть? Обе свои национальности – настоящую и прошлую, родителей и жизни... они все – мои, это всё – Я!

А страна? Мне плевать на СССР, в котором я никогда не жил, и, чёрт подери, не хотел!

Но и Россия – та, которую я покинул, совсем не идеал... Это моя страна, но она тяжело больна, и она – наследница СССР, и болезни страны – отчасти отсюда, из СССР, а это значит...

Да чёрт его знает, что это значит! Я просто не хочу – так, и не хочу – так, как будет!

Смогу ли я спасти СССР, как-то реформировать её? Нет, однозначно нет! Здесь нужна Воля, выраженная сверху, а мне, здесь и сейчас – поздно. Всё поздно...

А вот потом... не знаю! Не уверен, но... может быть. На изломе, когда всё начнёт сыпаться, можно будет... ещё не знаю что, но хоть что-то!

Вытаскивать из распадающейся страны учёных, которые иначе, вместо науки, пойдут торговать на рынки, и ведь не впишутся! Многие не впишутся...

А вот если к тому времени у меня будет какой-то автори-

тет, связи и отлаженные структуры, да не здесь, а на Западе... вот тогда может быть. Вытаскивать учёных по одному и целыми коллективами, пристраивать, и через них – влиять на тех, кто остался на осколках распадающейся страны.

Сам я его не застал, но – было время, когда интеллигенция что-то могла решать. Не справилась... или не дали, помешали... не суть важно! Но ведь было же!

А если помочь? Если не допустить залоговые аукционы и прочее... прочий беспредел? Да – приватизации, нет – беззаконию!

Страна, получив за приватизированные заводы настоящие деньги, в десятки и сотни раз больше, чем получила в девяностые, сможет... хоть что-то. Шанс.

И у заводов будут не эти... приватизаторы с господрядами по дружбе, а нормальные, и может быть даже – эффективные собственники! Пусть даже они будут обладателями имён и фамилий, непривычных слуху гражданина СССР, но... а какая разница?

Если те, что с привычными именами и фамилиями – всё равно меняли – сперва место проживания, а потом и гражданство! Но при этом и управленцы из них, как из говна – пуля!

Потому что хуже...

... нет, всё-таки может, но я не хочу ни хуже, ни – так, как стало. А если не хочу – так, и если я – могу, то значит – надо. Хотя бы попытаться.

Потому что кто ещё, если не я?

Скованные одной цепью²

Круговая порука мажет, как копоть.
Я беру чью-то руку, а чувствую локоть.
Я ищу глаза, а чувствую взгляд,
Где выше голов находится зад.
За красным восходом – розовый³ закат.

Скованные одной цепью,
Связанные одной целью.
Скованные одной цепью,
Связанные одной.

Здесь составы вялы, а пространства огромны.
Здесь суставы смяли, чтобы сделать колонны.
Одни слова для кухонь, другие – для улиц.
Здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц
И я держу равнение, даже целуюсь на

² Наутилус Помпилиус.

³ В первоначальном виде последняя строка в первом куплете выглядела так: «За красным восходом – коричневый закат» (в таком варианте исполнения можно было встретить записи 1990–1993 г.г. Об этом же рассказывал Бутусов в интервью, которое звучало в радиопередаче «Летопись» на «Нашем радио», 21 выпуск, 56-я минута). Её можно трактовать как намёк на будущее советского общества, начавшегося с коммунизма и способное закончиться фашизмом. По настоянию руководства Свердловского рок-клуба коричневый цвет был изменён на розовый, в те времена не имевший политической окраски.

Скованных одной цепью,
Связанных одной целью.
Скованных одной цепью,
Связанных одной цепью.

Можно верить и в отсутствие веры,
Можно делать и отсутствие дела.
Нищие молятся, молятся на
То, что их нищета гарантирована.
Здесь можно играть про себя на трубе,
Но как не играй, все играешь отбой.
И если есть те, кто приходят к тебе,
Найдутся и те, кто придет за тобой.
Также скованные одной цепью,

Здесь женщины ищут, но находят лишь старость,
Здесь мерилom работы считают усталость,
Здесь нет негодяев в кабинетах из кожи,
Здесь первые на последних похожи
И не меньше последних устали, быть может,
Быть скованными одной цепью.

Глава 2

Сцена, Лера, рок-н-ролл!

– Вот эту хуёвину видишь?! – высунувшись из-под станка, орёт Петрович, лёжа на подстеленной под спину грязной картонке и перекрикивая шум в цеху, – Она, сука такая, раком встала... отвёртку давай... да не ту, ети твою, а другую! Хули ж непонятного?!

– Ага... – присев на корточки, заглядываю к Петровичу, пытящему на полу, – помочь?

– Да куда тебе... – привычно раздражается тот, – а хотя да, вот здесь придержи! Видишь? Крепко чтоб! А то сорвётся, я себе тогда пальцы на хер расшибу, а потом тебе – уши оторву за такую помощь, внял?

– Угу... – придерживаю, пока Петрович лязгает металлом и матом, подкручивает и подвинчивает, но заглянуть нормально возможности нет, удерживать проклятую «херовину» нужно изо всех сил.

Станок – кадавр тысяча восемьсот девяносто пятого года, и движущиеся его части – те, которые остались родными, зализаны временем до полной аэродинамичности, ну а не родное сделано в духе «голь на выдумки хитра». Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное, а та самая «голь» в лице Валентинычей и прочих фабричных химеро-

логов, идёт по пути наименьшего сопротивления.

– Вот... – благополучно прикрутив «херовину», Петрович чуть подобрел, и дальнейший ремонт протекал в более дружелюбной атмосфере, – видел, раком фиговина стояла? Из-за неё, паскуды, ремизку и перекосило, а нам ебись с ней!

– Вот, видала? – выбравшись из-под станка и водрузив себя на ноги, наставник подмигнул наблюдавшей за нами ткачихе и прогнулся в пояснице, чуть искажившись в лице, – Смена растёт! Даром что нерусский, а руки откуда надо, а не как у них обычно, х-хе...

– А ты, молодой пока – учись! – назидательно сообщает он мне, – Рабочая профессия, она всему голова! На хлеб с маслом всегда заработаешь, и главное – не попрекнёт никто, понял?

– Опыт, опять же! – Петрович назидательно воздел палец вверх, – Мужик должен в технике соображать, сам понимаешь! Такой опыт везде пригодиться!

Взгляд, как назло, цепляется за дату выпуска станка, и хочется сказать очень много о таком «бесценном» опыте, но силы воли (и жизненного опыта) хватает, чтобы отмолчаться.

Ткачиха, немолодая баба с вечно поджатыми губами, поджимает их вовсе в нитку, и, решительно бортанув Петровича внушительным крупом, приступила к работе. Вообще-то, если я правильно понимаю, после ремонта должна быть наладка станка, какая-то его проверка, но...

... план! А какое там будет качество у ткани, ткачиху,

как я понимаю, не слишком волнует.

Оглянувшись на ткачиху и мечтательно вздохнув, Петрович пошевелил носом и глянул на часы.

– О, уже и перерыв! – обрадовался он, – Доработали! Ну что, малой, в столовую?

Собственно, до перерыва ещё минут двадцать... но кого это волнует? Пока дойдём...

Наставник мой пошёл вперед, перебрасываясь по дороге словечком-другим со знакомыми, а я потащился за ним, как на буксире, поглядывая по сторонам и пытаюсь запомнить, кто есть кто, ну и просто – глаза.

Вокруг очень шумно и пыльно, а техника безопасности, она как бы и есть, но желательно не в ущерб плану.

В журналах все расписываются за инструктаж, но когда доходит до дела, над душой встаёт ткачиха, злая и нудящая о премии и слесарях, которые, черти, ничего не могут сделать раз и навсегда. А с другой стороны, слесарю и самому хочется побыстрее разделаться, и в курилку, в раздевалку, заканяться куда-то... и по писярику, потому что, ну а кто не пьёт!?

Нарушений техники безопасности очень много, хотя конечно же, меньше, чем в моём времени. Начальство за это не поощряет, но обстановка, отчасти усилиями того самого начальства, с его соцсоревнованиями, планами и встречными планами, создаётся такая, что – надо!

Надо рационализировать и оптимизировать... но если

что – сам виноват, и в журнале стоит твоя подпись!

В сложившейся ситуации виновато, как правило, даже не непосредственное начальство, а сама система. Правила и инструкции – те самые, что надо, написанные кровью, но станки – тысяча восемьсот девяносто пятого года... и так во всём.

Много очковтирательства, когда что-то есть только на бумаге, «рационализаторства» и прочего. Вся технологическая цепочка по итогу идёт на хрен, и на бумаге она – одна, а в действительности – совсем другая...

... но впрочем, ничего нового!

В столовой, набрав на поднос два винегрета и две гречки с гуляшом, ватрушку с творогом и какао, основательно нафаршировался, вполуха слушая рассуждения Петровича, гудящего с мужиками о футболе, преимуществах домашнего самогона перед «казёнкой», вылазке на охоту (две утки, простуда и сломанный о свинцовую дробь зуб) на позапрошлой неделе.

– Всё, Петрович, – привлёк я его внимание, забирая поднос с посудой, – до завтра!

– Давай, – небрежно отмахнулся тот, погружаясь с мужиками в обсуждение увлекательного квеста – как и где дерябнуть на работе, и чтоб при этом не попасться. Пока сходятся на том, чтобы взять пирожков и пойти, раз время есть, тяпнуть по маленькой, ну и в карты поиграть – в дурака,

на смешные желания.

Выйдя из столовой, глянул на сырое небо, с которого некстати посыпалась какая-то мелкая сыкоть, так что от столовой до раздевалки я пробежался трусцой, что не прибавило настроения.

– Да тьфу ты... – отреагировали на меня мужики в прокуренной раздевалке, снова вытаскивая стаканы и звеня стеклом.

– Это этот! – объяснил один из них невидимому мне собеседнику, и тот, как ни странно, понял прекрасно, и питье с общением продолжились без оглядки на меня.

В раздевалке, как ни зайдёшь, почти всегда накурено, и всегда – по крайней мере, по крайней мере, в рабочее время, кто-то ныкается от начальства. А иногда и не ныкается, а вполне официально гоняет чай, готовый, если надо, взамен на такие мелкие поблажки, поработать во время перерыва или задержаться после работы.

В душевой сквозняк, потоки нечистой воды на полу, запахи хозяйственного мыла, и почему-то – лекарств. Благо, народу почти никого, так что я быстро помылся под тугими струями, не особо пытаясь (всё равно почти безнадёжно!) регулировать температуру, и выскочил.

– Американский? – ничуть не смутился моему появлению парень, залезший в мой шкафчик и вертящий в руках рюкзак. Я его вроде как знаю, но вечно путаю созвучные имя, прозвище и фамилию, так что в голове он у меня закодиро-

ван под прозвищем «Патлатый».

– Этот? – раскачивать скандал я не стал, хотя и хочется. Повторится – да, будут меры... через Петровича прежде всего, а так... здесь нравы простые, я бы даже сказал – временами простейшие, – Нет, мать сшила!

Подробности о том, как я пытался вспомнить модели из моего времени, и как эти воспоминания переводил на бумагу, а мать потом – мои каракули на выкройки, приводить не хочу, да и вспоминать – не очень... Недели две, наверное, мучились, но, правда, и результат!

А куда деваться? О советских рюкзаках без мата мне говорить сложно. Вот казалось бы, бытовую технику у идеологического противника промышленность СССР передирует, ничуть не смущаясь, а здесь – затык!

Все матёрые туристы, все альпинисты и походники как минимум перешивают купленные в магазине рюкзаки, потому иначе – ну никак! Это ж какие-то брезентовые мешки с лямками, способные угробить спину за один переход!

– О! – возбудился Патлатый, – А мне возьмётся? За сколько? Полтос сразу отжалею, а если больше, так ты только скажи!

– Не-не-не! – перебиваю его, – Не возьмётся!

– Видишь? – сую под нос рюкзак и показываю лямки, – Представь, такое на обычной машинке прострочить? Ну его к чёрту, никаких денег не надо! Не работа была, а один сплошной ремонт!

– А-а... – разочарованно протянул он, – жаль! Я бы и сотку отдал за такой.

Пожимаю плечами, начиная переодеваться, стараясь не обращать внимания на то, что он выжидающе косит на меня, надеясь, по-видимому, что я передумаю.

– Слушай... – он наклонился заговорщицки, – а билеты сможешь достать?

– Не могу вот так сразу сказать, – пожимаю плечами и просовываю ногу в штанину, – поспрашивать надо.

– А... сколько? – спрашивает он, наклоняясь ещё сильнее.

– Чего сколько? – не сразу понял я.

– Ну, бабок...

– Да блять! – вырывается у меня, – Ты думаешь, я спекулирую билетами? Нет, блять! Я просто иногда помогаю музыкантам, а они иногда – мне! Блять... вот что за стереотипы – как еврей, так барыга! Да чёрта с два!

– Да тише ты... тише, – просит парень, оглядываясь по сторонам, – прости!

– Ладно, забыли и забыли, – отмахиваюсь от него, вбивая ноги в ботинки и завязывая шнурки.

– А как ты это... помогаешь? – не выдержал Патлатый.

– Текстá, – жму плечами, – инглишь свободный, хотя акцент, конечно, тот ещё.

– Иди ты! – восхитился парень, – Вот совсем свободный? А... если перевести понадобится?

– С самиздатом и всякой нелегалыщиной не связываюсь,

а так – подходи, гляну. Всё, давай...

– Погодь! А это... билеты?

– Будут если – принесу, по госцене, – отвечаю уже в проходе, – а нет, так извини! Я в этой движухе сошка мелкая. Всё, бывай...

Отмахнувшись от вопросов в спину, ссыпаюсь по лестнице вниз и спешу к проходной. Чёрт его знает... вряд ли стукач, но на всякий случай – берегусь! Да и вообще... глупость это несусветная, на «Трёхгорке» билетами барыжить!

Фарцы, в её классическом понимании, избегаю всеми силами, а на заводе, да будучи несовершеннолетним и не той национальности... я вас умоляю! Привлекать внимание органов и подсаживаться на крючок, это вообще глупо, да и... было бы ради чего!

Подставляться ради шильдика на жопе – последнее дело, да и вообще... мне важнее не деньги, которые я, собственно, и не смогу потратить в советских реалиях, а связи. Да не только здесь и сейчас, но и сильно потом...

Поглядев на часы, я ускорил шаги, проскочил проходную, и через несколько минут уже ехал в автобусе. Несколько остановок, и...

Стоит, ждёт обещанного билета. Совсем ещё молодая, но узнаваемая.

– Валерия? – спрашиваю для порядка, уже зная ответ, – Добрый день!

Отец пришёл с работы, когда я возился на кухне с ужином, обжаривая на большой сковороде макароны со всякими разностями, остатки которых нагрёб в холодильнике.

– Ух ты! – восхитился он, проходя на кухню, – Недурно пахнет! Глянь, Петро́, какого сына вырастил!

– Здравсте, дядь Петь, – не отрываясь от готовки, приветствую Левашова, – очень рад видеть вас! Извините, руки в масле...

Обтерев их о полотенце, здороваюсь и выслушиваю неизбежные в таких случаях комментарии о том, как сильно я вырос, и что совсем мужик стал.

– Рабочий стаж – первое дело, – разглагольствовал дядя Петя, оседлав табурет и забавно шевеля носом, принюхиваясь к витающим на кухне запахам, – так что всё к лучшему! В институт будешь поступать, так не абы кто, а пролетарий, а это, Миша, совсем другой коленкор! Совсем!

Слушаю его, мотая давно известные премудрости на не отросший ещё ус, и вежливо поддакиваю, не забывая о готовке.

– А насчёт вырастил... – вытащив из холодильника сыр, и пытаясь найти глазами тёрку, поворачиваясь к отцу, воспользовавшись паузой в монологе отцова друга, – так вы ещё вырастить успеете – братика или сестрёнку, я всем буду рад!

– Раз уж проект... – подмигиваю дяде Пете, – удачный вышел!

– Кхе, – кашлянул от неожиданности отец, – скажешь тоже! Старые мы уже!

– Вы? – я отложил сыр и подошёл к отцу, положив руку сперва ему на лоб, а потом на бицепс, разрывающий рукав рубашки, – Старые?

– Да ты не это не смотри, – начал было он, сгибая руку и с недоумением глядя на мощную мышцу – гилям и спорту он и раньше был не чужд, а теперь, привыкнув на Северах к нагрузкам и скучая по ним в Москве, занялся железом и турником всерьёз, начав даже поговаривать о том, что недурно бы поучаствовать в соревнованиях. Я его в этом поддерживаю, но пока дальше разговоров дело не идет, хотя на второй разряд он сдаст даже спросонья.

– А на что? – веселюсь я, – На строчки в паспорте? У тебя или у мамы, которая, в сравнении со сверстницами, ещё девчонкой совсем выглядит? Дядь Петь, ну хоть вы ему скажите! У вас вон Танька какая вышла – ого! Сам видел, как оглядывался один, оглядывался... и в бетонный столб шарахнулся! Сидит, башкой крутит... а всё равно туда же, вслед Таньке смотрит, а та и не обернулась, только каблучки по асфальту – цок-цок-цок!

– Это да, – засмеялся дядя Петя, горделиво расправив плечи, – она такая! Удалась!

– Вот! – киваю я, – Я, может, тоже сестрёнку хочу! Спер-

ва маленькую, конечно, а потом и так – чтобы каблучками по асфальту, а мужики о столбы головами бились! С такими-то родителями, я думаю, всё получится!

– И правда, Вань! – дядя Петя, расшалившись, пихнул отца плечом, – Твой-то дело говорит! Паспорт-то что? Тьфу! Что ты, что Людка... и родить успеете, и поднять сможете!

– А если вдруг что... – он мотнул головой в мою сторону, – так вот, шустрый какой растёт! Вытянет!

Началась шутливая перебранка, а я тем временем заканчиваю приготовления к ужину. Мать сегодня придёт поздно, к восьми, так что её не ждём.

Соседей тоже нет – Бронислава Георгиевна в каком-то закрытом санатории, чуть ли не от ЦК, а Антонина Львовна с супругом отправились на закрытый показ французского фильма. Ушли важные, расpiraемые гордостью от допущенности и причастности, будут потом рассказы...

– Ну... – отец вытащил чекушку из холодильника и вопросительно поглядел на друга, – по чуть, за встречу!

– За встречу! – эхом повторил дядя Петя минуту спустя, чокаясь с ним и выпивая, – Ух... хорошо пошла! А огурчики Людкины?

– Угу, – отозвался отец, втягивая носом воздух и вгрызаясь в огурец, брызнувший соком, – Семейный рецепт, ему лет двести, кажется.

– Умеете же, – покивал Левашов, довольно щура глаза, – и огурчики Людкины, и даже макароны Мишкины – сколько

ни дай, всё стрескаю!

– Да на здоровье, – отзываюсь я, прожевав, но дальше особо не вмешиваюсь в разговоры – у них свои дела, свои интересы и своя жизнь. Поев, завариваю чай – с травами, и пью без сахара, стоя у окна и глядя на улицу, где начало моросить.

– Приду вечером, совсем поздно, – сообщаю отцу из прихожей, уже обуваясь, – в Мытищах концерт, так что сам понимаешь. Не ближний свет. Пока туда, пока там...

– Ага... – кивает тот, чуть хмурясь и постукивая ногой, – в неприятности только не лезь.

– Да если б я лез, – вздыхаю неподдельно, – сами же находят. Да! Если затянется концерт, я, может, заночую у кого! Не то чтобы сильно хочу на полу вповалку спать, но всё может быть, так что вы особо не волнуйтесь.

– Ох... – вздохнул отец, оставив просьбу без ответа, и десяток секунд спустя я уже был на улице. Помахав маячащему в окне отцу, открыл зонт и поспешил на остановку, оглябывая прохожих.

Протолкавшись чуть ли не в последний момент, вывалился на платформу, слыша, как за спиной схлопнулись двери, и голос в динамиках произнёс несколько невнятные, но давно заученные слова. Народ на платформе рассасывается по сторонам, и в этом движении, почти броуновском,

меня изрядно помотало, приложив плечами о чужие плечи, и ногами на чужие ноги. Благо, здесь хотя бы дождя сейчас нет, а тот, что был, не развёл грязюку, а разве только чуть брызнул поверху.

– Да осторожнее, ты... – начал было недовольный парень, в которого меня швырнуло под натиском какого-то боевитого дедка, но опознал меня, и недовольство тут же сменилось на искреннюю приязнь и протянутую руку, – Здравов!

– Привет, Сань, – аккуратно жму протянутую руку, не пытаясь играть с КМСом по штанге в «кто сильнее», – рад видеть тебя.

– А уж я-то! – скалится он, не отпуская мою руку и покровительственно притягивая к себе за плечо, – Давай вместе выбираться, а то тебя, мелкого, затопчут!

Он изрядно преувеличивает как степень давки, так и мои габариты, но – чёрт с ним! Хочется человеку показать себя более нужным, чем есть на самом деле? Вперёд!

Саня – фан, таскающийся, по мере возможности, на все мероприятия рока и около-рока, собирающий автографы и совместные фотографии, и иногда, нечасто, бывает излишне назойлив. Но при росте за сто девяносто и весе сто десять, нескольких действующих спортивных разрядах и готовности таскать круглое и катать квадратное, а так же, если будет такая необходимость, «впрячься за кореша» физически, этот его недостаток не так уж страшен.

Сейчас, вцепившись в меня, он демонстрирует готовность

защищать и таскать, чтобы потом получить возможность стоять у самой сцены, а если повезёт, то и зайти туда, в святая святых... Я для него – билет в этот сияющий мир.

Возле ДК уже толпится народ, добрую четверть которого я знаю как минимум в лицо.

– Здравов, фельдмаршал! – слышу издали и поворачиваюсь на знакомый голос, улыбаясь невольно.

Жму протянутую руку Жеки, не обижаясь – этот из своих, из локтевцев, и мы дрались вместе с ним против выхинцев, а это – обязывает. Да и потом... были разные случаи, чтобы убедиться – надёжный парень, который и драться умеет, и – молчать, если надо.

Пара незнакомых ребят, по виду провинциалов, глазают на нас с Жекой и на Саню, впитывая субкультуру без малейших попыток критического осмысления оной. Такие... птенчики, хотя и пытаются казаться циничными, но в глазах – отблески Чуда, и – счастье, просто от того, что они здесь.

Достав пачку «Мальборо», широким жестом предлагаю сигареты и прикуриваю сам. Несколько слов, несколько затяжек, и, бросив недокуренную сигарету под ноги, иду дальше.

Это тоже часть имиджа, как и «Прима» на работе, где я не выделяюсь из толпы пролетариев, не прыгая выше головы. Там я – ученик слесаря-наладчика, и баста!

Обошёл так добрую половину площади, несколько раз по чуть покурив в компаниях со знакомыми. Это вроде и нехитрое социальное действие, но ведь работает же! Магия

курилки, н-да...

Наконец, в поле моего зрения попала Лера. Запыхавшаяся, восторженно глазающая по сторонам, и пока – молодая, наивная...

С ней мы познакомились совершенно случайно – пересеклись в универе, куда я заходил за списанными книгами, по рекомендации от «химички» из моей школы, а на выходе столкнулся с ней. Она, ещё школьница, ходит туда на какие-то курсы, но подробностями, откровенно говоря, не интересовался.

Это было как-то очень... нет, **ОЧЕНЬ** странно! Видеть вот эту, молодую ещё девчонку, и знать, что там, в моей реальности, она стала одним из символов демократической России. Баба Лера...

... очень своеобразный человек, да и как символ, хм... Юродивая, над которой все смеялись, и которая не боялась быть смешной...

Но умна... и тогда, после психушки, со сложным бэкграундом за плечами, и сейчас – ещё наивная, не битая идеалистка.

Слишком уж сближаться я не хочу в силу целого ряда причин, но вот загорелось что-то после той встречи и разговора – ввести её в рокерскую тусовку, перезнакомить её со всеми, а всех – с ней. А потом – посмотреть, что будет...

... и вот что-то мне подсказывает, что может быть – интересно! Но всё это, разумеется, сильно потом.

А пока – отчасти социальный эксперимент, а отчасти – жалость к молодой девчонке. Быть может, теперь не будет той самой Новодворской, а будет обычная в общем-то женщина с ничем не примечательной судьбой... с мужем, детьми, и разговорами не дальше кухни.

А быть может, рокеры и неформалы в СССР станут чуть более диссидентами, чем были в моей истории? Не знаю... но ведь интересный вариант, и чёрт подери, ещё какой!

И уж во всяком случае – Леру, которую знает (будет знать!) вся московская неформальная тусовка, не так просто будет впихнуть в психушку! Впихнуть, а потом удержать... и делать с ней то, за что советская психиатрия и считается – карательной.

Но всё это потом, а пока...

– Лера? Ну наконец! – подхожу к ней, – Пойдём, я тебя с ребятами познакомлю!

– Жара! – с восторженным придыханием сообщил приятелю какой-то парень справа от меня, донося до окружающих своё мнение и свежий пивной выхлоп, приправленный лёгким ароматом несвежей пепельницы, – «Сокол» и «Скорморохи» в одном концерте, это ж...

Недослушав, продираюсь дальше, отворачивая лицо и таща за собой Леру, как на буксире, вцепившись в потную ладошку. Концерт и правда выходит знаковым, хотя сама музыка и текстá, в общем, не особо вставляют меня, привыкше-

го к другому качеству, но по здешним меркам – уровень...
... и имена. Не сплошь, но – Отцы Основатели, не больше,
но и не меньше!

Выступать будут и другие коллективы, не столь именитые,
но в целом – очень и очень неплохие по здешним понятиям,
так что и правда – жара. Событие!

Заметив Айзеншписа, курящего у входа в компании музыкантов, окликаю его. Юра, вскинув голову, близоруко прищуривается, почти тут же расплываясь в улыбке. Приветственный взмах рукой, несколько слов стоящим поблизости парням, и толпа расступается перед нами, как воды Красного моря перед Народом Моисеевым.

Подойдя, начинаю здороваться со всеми, пожимая руки всем присутствующим.

– А это Валерия, – доставая сигареты, представляю девушку, которая чуть смущённо улыбается, – в Универсе столкнулись и разговорились, да вот, решил вытащить сюда – интересный человек, и ни разу не цивил. Пообщайтесь!

Юра Ермаков хмыкает, меряя взглядом Леру, но впрочем, вполне благожелательно. А Игорь Гончарук⁴, заинтересованно блеснув глазами, начинает, как выражаются в некоторых кругах, «подкатывать яйца» к девушке.

«– Однако...» – озадачиваюсь я, хотя собственно, чему удивляюсь? Валерия не то чтобы красотка, но сейчас она мо-

⁴ Ермаков и Гончарук стали авторами *первой рок-композиции, написанной на русском языке* («Где тот край», 1965)

лода, и, в общем-то, почти симпатична просто в силу возраста, так что почему бы и не да?!

В голове, правда, вертится что-то⁵... но нет, не помню! А, неважно...

Прикурив-таки сигарету, верчу её в руках, время от времени поднося к губам, чтобы не погасла, чтобы быть – как всё, не выделяться, иметь право стоять здесь, в мужской компании, с никотиновой палочкой...

Неформалы, с презрением относящиеся к «цивилам», они всё равно – плоть от плоти советских дворов и коммуналок, так что поведенческие паттерны у них, в общем-то, одинаковые. Говорить, впрочем, об этом особо не рискую – не побьют, но многие обидятся.

– ... Валерия, да? – слышу краем уха, – Вас, наверное, близкие Лерой называют? Да? А можно я тоже буду называть вас Лерой?

Глянув быстро, сохраняю в памяти картинку кокетничающей Новодворской, ведь это, может быть, в первый и последний раз! А может...

... и нет.

Айзеншпис, дымя почти без перерыва, ухитряется вести несколько разговоров одновременно, отдавая распоряжения по поводу концерта, выступая арбитром в сварах музыкантов и жалуясь мне на дефицит, когда доставать приходится – всё!

⁵ Новодворская не скрывала, что об интимной жизни она знает только теоретически и никогда не интересовалась этим вопросом.

– ... «Ямаха» – это мечта, – доверительно сообщает он, чуть наклоняясь вперёд, – но ты попробуй – найди! Через морячков, через какие-то схемы...

Не договорив, он сплюнул в сердцах и глубоко затаился, сделав такое лицо, что и без слов понятно – как его всё это достало!

– Либо кланяться за свои же деньги неприятному человеку, – понимающе вздыхаю я, – либо тоже иметь что-то интересное на обмен или в довесок, и поди угадай, что именно ему нужно.

С этой проблемой я хорошо знаком, хотя и не так близко, как Юра. С отцом мы, хотя и с очень большой оглядкой, занимаемся мебелью, а там – фурнитура, лаки-краски, шпон... куда ни ткнись, сплошь дефицит, который и за деньги не вдруг купишь. А вот если к просьбишке о фурнитуре добавить пачку «Кэмела», или ещё какую ерунду того же толка, то выходит совсем другое дело! Да и по деньгам, опять же, дешевле...

У Айзеншписа, как я понимаю, схемы сложнее на два порядка, и вовлечено в них намного больше людей и товаров. Да и тяга к «красивой» западной жизни имеется, в чём не вижу греха я, но видит Советская Власть, и в реалиях СССР это очень выборочно, когда сидящим на Олимпе и к ним приравненным позволено то, за что обывателей могут посадить или даже – расстрелять.

– Вот-вот... – снова затягивается Юра, ненадолго замол-

кая, – обменный фонд! А я, боюсь...

К нему, прервав нашу беседу на полуслове, подлетел какой-то взъерошенный парень со свежей ссадиной на скуле, ткнулся почти в самое ухо продюссера, и зашептал что-то, очень быстро и горячечно.

– Шлемазлы... – сдавленно прошипел Айзеншпис, выбрасывая сигарету и начиная продираться в ДК. Ловлю его взгляд и вопросительно вздёргиваю брови, пристраиваясь рядом, и готовый, если надо, поддержать не только морально.

– Да есть тут... – отвечает вместо Юры тот самый взъерошенный парнишка, сплёвывая на асфальт, – говнари! Дайте воды попить, а то так кушать хочется, что переночевать негде, а потом как так и надо, и претензии ко всем разом.

Пояснений не требуется – народ в этой тусовке скандальный, неуживчивый, с потугами на гениальность и готовностью начать склоку в любой момент, как правило, самый неподходящий. Богема!

Влетев в гримёрку, Айзеншпис, сходу оценив обстановку, врезался плечом в какого-то смутно знакомого парня, заседающего на зажатого в углу Градского. Будущий Мэтр, обрадовавшись такому подарку судьбы, достаточно ловко сбил своего обидчика с ног, оседлал, и принялся вколачивать кулаки в голову.

Я, с отставанием на пару секунд, влупил носком ботинка по икре лохматого парня, заседавшего на Буйнова, лохма-

тый невольно отвлёкся, и тут же получил удар в челюсть, уложивший его на пол. Собственно, на этом моё участие в драке закончилось, да наверное, оно было и не очень-то нужными.

Гримёрку почти тут же заняли крепкие ребята из окружения Айзеншписа – не то охрана, не то представители «крыши», и уже от себя добавив агрессорам, очень неласково вытащили их из комнаты, в лучших традициях не существующего сейчас ОМОНа. Юра выскочил вслед за ними, пожелав, как я понял, доброго пути и всего хорошего.

«– Удачно! – цинично подумал я, надеясь, что эмоции сейчас не проступают на моей физиономии, – Вот это я в жир ногами влетел!»

Ситуация – лучше не придумаешь для хорошего знакомства и нормальной мужской дружбы – с поправкой на реалии СССР, разумеется. Будущие Мэтры пока ещё совсем молодые парни, и вот такие вот совместные драчки против кого-то, в этом возрасте – самое то! На всю жизнь!

– Саш, ты как? – на правах знакомого обращаюсь к Градскому, сдавленно ругающегося и баюкающему руку. С ним мы не то чтобы приятельствуем, но тусовка рокеров пока совсем невелика, и все друг друга знают. Я в это «все» вхожу с некоторой снисходительной оговоркой, но всё-таки – да!

В ответ – густой мат, приправленный эмоциями, и хорошо ещё, не в мой адрес! Старые знакомые... я же не говорил, что все между собой дружат? Бывает и вот такое.

Народ в рокерской тусовке, что называется, с характером,

а проще говоря – те ещё мудаки бывают, с гонором и воспалёнными самолюбием, когда он – Гений, а окружающие должны это ценить. Дышать с Гением одним воздухом, бегать ему за сигаретами и безвозвратно одалживать трёшку – это возможность как-то войти в Историю, понимать надо!

Некоторые, к слову, понимают, и бегают, одалживают, прислушиваются к каждому слову... А потом наступает разочарование в былом Кумире, переосмысление ценностей, и – склоки, интриги и сплетни, что куда там дружному женскому коллективу!

Дерутся не то чтобы очень часто, но и не редко, хотя казалось бы – музыканты, руки беречь надо...

– Рука... чёрт! – озвучил мои мысли Градский, с болезненной гримасой помассировав запястье, опухающее на глазах.

– Замену поищи, – без задней мысли предложил я, копаясь в аптечке, думая найти эластичный бинт или что-то подобное. Но чёрта с два... стандартный набор из йода, зелёнки, бинтов, жгута и валерианы.

– Да тут, блять... – в ответ целая тирада о мудаках, которые рады подсидеть, и настроении, которое вот совсем ни к чёрту! Не обращая на это внимание, бинтую ему запястье обычным бинтом, за неимением эластичного.

– Да Мишку и возьми, – предложил Буйнов, прикладывая какую-то вонючую ватку под наливающийся глаз и с недовольным видом рассматривая себя в чуть облупившемся зер-

кале, – Сложную композицию он пока не вытянет, не на сцене, по крайней мере, а так – справится.

Ругнувшись ещё раз, Градский хмыкнул недовольно... и принял мою кандидатуру. Как я понимаю – не то чтобы за неимением лучшего, а потому что все остальные, в данный момент – мудаки!

Спорить с этим утверждением я не стал, и, живо подхватив гитару, начал, с помощью владельца примерять её во всех видах.

– Ну, сойдёт! – постановил наконец Градский, отчаянно морщась при некоторых моих аккордах, – Но это только на сегодня, понял?!

Я – понял, и внял, и... нет, ну правда, нужно же показать человеку, что ценю предоставленную возможность?! Потому что он – Гений, и дышать с ним одним воздухом – большая честь для меня!

... но кажется, немного переиграл.

– Тебе ведь похуй? – хохотнув, спросил Буйнов, отняв примочку от глаза и покосившись на дверь, закрывшуюся за Градским. Отношения у них сложные – когда вроде и друзья, и, пожалуй, друзья они без всяких «вроде», но ясно уже, что хотя они ещё и не осознают этого, им уже немножечко тесно, и не слишком далёк тот день, когда музыканты разойдутся.

– Ну не то чтобы совсем, – дёргаю плечом, невольно косясь на дверь вслед за Александром, – но так-то я у Локте-

ва в ансамбле больше года занимаюсь, уже привык к сцене. Не реже двух, а то и трёх раз в месяц в каком-нибудь концерте участвую.

– Седьмой слева в пятом ряду хора? – съехидничал Буйнов, – В подшефном колхозе «Красные зорьки»?

Он сам же заржал над своей шуткой, весело толкаясь плечом, и я посмеялся вместе с ним, из вежливости.

– Ошибся? – почти тут же прервал своё смех Буйнов. Он далеко не глупый парень, умеющий, если надо, признавать свои ошибки. Задав вопрос, Александр вопросительно уставился на меня – так, будто ему и вправду интересна моя жизнь.

– Чуть-чуть, – улыбаюсь едва заметно, – когда в «Красные зорьки», то бывает, что и солистом! Хотя конечно, на серьёзные отчётные концерты в хоре стою, голос ещё не переломался до конца, сбойнуть может.

– А если танцевальные номера, – продолжаю, – то и во все...

Не договорив, изображаю робота, что пока – свежо, неизбито, и производит должное впечатление.

– Да-а... – тянет Буйнов, на которого, судя по всему, мой импровизированный танец произвёл куда большее впечатление, чем он хотел показать, – неплохо! А вместе с английским...

Он, замолчав, закуривает, и, поглядывая время от времени на меня, думает напряжённо что-то своё, а я в кои-то веки

благодарю свою физиономию – вполне благообразую, но не слишком эмоциональную, потому что это всё – в яблочко!

Всё это – ни разу не секрет, но то ли чёртов возраст, то ли ещё что... но рокеры и прочая музыкальная братия всю эксплуатируют мои таланты, воспринимая при этом не вполне всерьёз. Мелкие ништяки и дружеское отношение – да, да, и ещё раз да... но всё-таки чего-то не хватало для перехода на следующий уровень.

А сейчас Буйнов, судя по всему, наконец-то осознал, что текста, которые я могу переводить на слух, и притом хоть буквально, а хоть бы и рифмованно, это ж... возможности!

Займствование, да... назовём это так. Оно у музыкантов распространено по всему миру, и никого не удивляет ни сейчас, ни будет удивлять значительно позже, десятилетия спустя. Ссоры, споры, судебные постановления и штрафы, скандалы и прочее... чаще всего просто хайп, реклама, попытки привлечь внимание.

Но в России, а сейчас – в СССР, заимствований и открытого воровства интеллектуальной собственности больше в разы, если не на порядки!

Не потому, разумеется, что люди здесь какие-то особенно плохие, а в силу законодательства, не регулирующего такие вопросы, закрытости страны и прочих факторов, благодаря которым всё это стало возможным. Ну и неискушённости публики, разумеется. Пипл хаает⁶!

⁶ Фраза из интервью популярного в начале 1990-х гг. поп-исполнителя Богдана

Пипл, собственно, и выбора особого не имеет, по крайней мере – сейчас. У него, пипла, в меню одобренные цензурой советские ВИА, немного Восточного Блока, условно «левые» исполнители с Запада, и немногочисленные шансо-ные из стран, в которых сильны позиция Коммунистических партий – Франции и Италии⁷.

Щепоткой специй в этом сомнительном вареве – просачивающиеся сквозь все железные занавесы «Битлы» и все те, кого проигрывают на «Радио Свобода», и кого привозят советские моряки из загранок. Ничего плохого сказать об этом не могу, но ассортимент, предоставленный пиплу, очень невелик.

А эстрада, даже советская, и тем более рок, это очень специфический жанр. Хороших поэтов и композиторов, занимающихся роком – по пальцам одной руки, и все они – уже востребованы, уже заняты...

... да и немного их, хороших! Попробуй – пробейся через

Титомира в ответ на вопрос Владимира Познера: – Богдан, ты же не глупый человек, образованный, а песни твои, в общем, довольно заурядные. Неужели тебе самому всё это нравится? – А чё? Пипл хаает!

⁷ Желающие могут поискать сами, но в СССР деловые и культурные связи с другими странами чаще всего выстраивались не с позиции выгоды, а именно на наличии (или отсутствии) коммунистических (в крайнем случае – социалистических) партий в стране. К примеру, когда руководство СССР задумало построить автозавод, «Фиат» (который мы знаем как «Жигули») был выбран для сотрудничества сугубо по политическим соображениям. Технологичность и прочее (согласно мнению ряда историков) рассматривалось даже не во вторую, а в третью очередь.

цензуру на всех уровнях, да ещё будучи, де-факто, в андеграунде!

Когда за «бездуховную» песню можно получить выговор по партийной линии, а за песню об Ильиче премию, орден и внесение в «списки», выбор становится не то чтобы вовсе уж очевидным... Но для большинства – так уж точно!

А музыкантам хочется славы, денег, секса и всего прочего, и большинство идёт по лёгкому пути, то есть – воруют! Тащат слова и музыку, не слишком утруждая себя аранжировкой...

... и я их не осуждаю.

Моя грядущая (очень на это надеюсь!) Нобелевка будет с несколько сомнительным привкусом... хотя это будет не в первый, да и не в последний раз⁸!

– Ну... пошли, что ли? – спохватился Буйнов, поглядев на часы, – Мы с тобой последние в раздевалка, Сашка, наверное, уже психует.

Градский встретил нас за кулисами бешеным взглядом, но не сказал ни слова, негромко отчитывая бас-гитариста Юрия Шахназарова за какой-то действительный или мнимый косяк, причём, как я понял, очень давний. Лёгкий толчок в плечо от Буйнова, и я присоединяюсь к остальным му-

⁸ Нобелевские премии по литературе или мира – часто, а может, и чаще всего, носят сугубо политический окрас. В науке не так всё плохо, но случаев, когда Нобелевскую премию получает не первооткрыватель, а плагиатор, вполне достаточно. Хватает и награждений за очень сомнительные достижения, например – за лоботомию, но это уж вовсе уж дикий случай.

зыкантам, жму руку Шахназарову и барабанщику Владимиру Полонскому, и, прижав гитару к себе, стою молча, чувствуя, как меня начинает колотить нервная дрожь.

Всё, казалось бы, знакомо и привычно, да и выступаю я на концертах не первый раз, но... каждый раз – нервы, каждый раз – а вдруг не справлюсь!? Пока всё было хорошо, но... а вдруг?!

– ... когда Сашка начнёт вверх тянуть, ты чуть выжди... – торопливо наставляет меня Шахназаров, докуривая папиросу.

Киваю, слушая сосредоточенно и мысленно проигрывая музыку в такт словам, звучащим в моей голове. А там, в голове, помимо музыки почему-то ещё и Марти, мать его, Макфлай⁹, отжигает на сцене с гитарой, и меня прямо-таки разжигает повторить!

– ... выждать, – киваю я, борясь с желанием закурить, потому как курю я – только в компании, и только тогда, когда надо для дела, а так – ни-ни! У меня ж сила воли, и вообще...

Наткнувшись взглядом на Леру, общающуюся со своим кавалером, ловлю флешбэки с ней из прошлого... или будущего? Это всё очень странно, и...

... но Марти, мать его, Макфлай, убрался из моей головы, разломав на прощание гитару! А я отыграл так, как и требовалось! Нормально.

... и всё-таки отчётный концерт перед коллективом педа-

⁹ ГГ фильма «Назад в Будущее»

гогического института, и рок-концерт – это очень разные вещи! Особенно если ты сам – на сцене.

Была бешеная энергетика на сцене и ответная реакция зала. Лера, восторженно пританцовывающая у края кулис и что-то восторженно вопящая...

... и я запомнил всё, что было на концерте, но почему-то так, будто это было очень давно и не со мной.

Глава 3 Рабство начинается с молчания

В который уже раз перечитываю строки письма, мысленно оказываясь там, в Посёлке. Слова, не слишком складно выписанные Ванькой Литвиненко на выданных из школьной тетради листках, будто зачитывает он сам, своим ломающимся голосом. Написанное им домысливается, додумывается, складываясь в моей голове в довольно-таки стройную картину происходящего, и все эти поселковые новости, вроде бы и давным-давно не нужные, отзываются у меня яркими эмоциями.

Здесь всё скопом, всё вперемешку, важное и нет. Да и мне ли, москвичу, решать, что важно, а что нет, для жителей маленького посёлка?

Там – ледостав, запомнившаяся бестолковой и заполошенной стрельбой из ружья пьяная драка, замёрзший «по синьке» приезжий, очередной «серьёзный» хахаль Дуськи-продавщицы и разборки из-за её увядающих прелестей, новая медсестра в больничке и утопленный в реке трактор. Всё близко, всё знакомо... и потому новости не кажутся, да в общем, и не являются мелкими для жителей посёлка.

В больших городах событий такого рода ничуть не меньше, но они размываются, кажутся совершенно неважными

на фоне чего-то более глобального. Обсуждаются и пьянки, и драки, и сложные переплетения взаимоотношений...

Но есть события более важные – запуск нового цеха на заводе, строительство микрорайона и продвинувшаяся очередь на квартиру.

Да и культурная составляющая, хотя и состоит преимущественно из сплетен о соседях и коллегах по работе, включает в себя ещё и разговоры о театральных премьерах, остановившемся в городе цирке, приехавшем с проверкой большом начальнике из Главка, и это уже – привычка мыслить другими категориями.

Где хуже, а где лучше, каждый, наверное, решает сам. Не скажу, что я вовсе уж перерос уровень поселковых новостей и сплетен, но информация о том, что Нина-«Буль-дожка» лишилась девственности, вызывает у меня скорее досадливое недоумение, нежели интерес. Какая разница, с кем она, где...

Ваньку я за обсасывание сплетни не виню, он дитя своего времени, а в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году вещи такого рода считаются необыкновенно важными. Провинция, она такая... и свадьбы по школьному залёту не редки, и окровавленная простыня, распяленная на жердинах на всеобщее обозрение, и всё это – не из ряда вон, а естественный ход вещей.

Хмыкнув, устраиваюсь поудобнее и читаю дальше. Письмо едва заметно пахнет рыбой, и это, вероятнее всего,

не фантазия – когда оно писалось, рыбой в посёлке пахло всё и вся, а поселковые собаки и коты ходили отожравшиеся и ошалевшие от сытости.

Под конец уже, после всех новостей, Ванька сообщил, что стал-таки мужчиной, и между строк можно было прочесть и нешуточную гордость этим событием, и имя Дульцинеи. Ей, как несложно догадаться, оказалась Дуська-продавщица, которой наличие официального хахаля и полудюжины любовников не мешает просвещать молодёжь.

– Насколько я помню рассказы старшаков, – бормочу себе под нос, – это обычно или подсобке происходит, наспех, или по синьке на какой-нибудь вечеринке.

– Хотя... – чуть сморщившись, вспоминаю своё... хм, первое детство, в глубокой и очень депрессивной провинции, – ничего особо и не изменилось. Всё та же обязательная синька, всё те же пьяненькие, визгливо хихикающие бабёнки, к которым иногда выстраивалась очередь...

... и это ещё не самый плохой вариант. Хотя бы – по согласию...

Дочитав, долго лежал на кровати, уставившись в потолок над головой, но видя не побелку, а Посёлок. Нет, я ни разу не пожалел, что уехал, но есть люди, по которым я скучаю, и наверное, буду скучать. Немного... но они есть.

Проблема только в том, что сейчас я даже не знаю, о чём писать им! Возраст у нас сейчас самый тот, чтобы разоби-

даться из-за случайной оговорки на всю оставшуюся жизнь, очень скоро пожалев об этом и до конца жизни так и не собравшись с духом помириться.

Писать о том, что в соседнем подъезде мужик допился до белочки и долго шатался то в подъезде, то на улице, в одних семейных трусах, а иногда и без? О том, что неделю назад я дрался район на район и получил по башке так, что её пришлось зашивать?

Так это не то чтобы неинтересно для них, а скорее – не ново. Привычно.

От меня ждут чего-то более интересного, городского... а мне не хочется врать. По ряду причин я не открываю, где же, собственно, живу, а рассказать, между тем, есть что!

Участие в ансамбле, случайная встреча в московском гастрономе с одним из членов Политбюро (совсем не похожим на свой портрет!), и даже съёмки в кино. Пусть это роли не второго плана и даже не «в эпизодах», а всего лишь участие в массовке, но для ребят из затерянного в лесах северного посёлка и это – событие.

Сперва – какие-то документальные фильмы и съёмки для новостных программ об ансамбле Локтева, где я – во-он та фигура, гарцующая вприсядку! Да-да, в красной рубахе и лакированной фуражке с наклеенным на фуражку чубом!

Ничего, что лица не видно, да и показан я секунд пять, но это – точно я! У Антонины Львовны в комнате телевизор стоит, мы всей квартирой этот концерт смотрели, я это, точ-

но я!

Потом была какая-то проходная картина категории «Б», где я – стоящий в строю юнкер-белогвардеец, пучащий глаза на проходящего мимо Деникина. Белый генерал, согласно утверждённому в институтах Марксизма-Ленинизма шаблону, был отменно мерзок, во время речи плевался и корчил рожи, а сама речь на две третьих состояла из слов вроде «пороть» и «вешать».

Наконец, неделю назад я отметил в кино уже серьёзней, оттанцевав на балу мазурку, будучи затянутым в отчаянно тесный и воняющий нафталином гусарский мундир, или вернее – то, что костюмеры и сценаристы Мосфильма считают таковым. В кадре меня достаточно много, и может быть (на что очень надеется мама) моё имя окажется в титрах – там, где «в эпизодах». Если, конечно, кадры с моей физиономией не вырежут по какой-либо причине.

Собственно, этим моя карьера в кино и ограничивается... и добрая половина локтевцев может похвастаться куда как более впечатляющим резюме. Нас, умеющих держаться на сцене, и получивших какие-никакие, но всё ж таки навыки сценарного мастерства, охотно набирают в массовку и эпизоды, так что «пасущиеся» возле ансамбля помощники режиссёров – вообще не редкость!

Бывают и гости поинтересней, вплоть до кандидатов в Члены, старичков с маршальскими звёздами и деятелей культуры из числа обласканных и приближённых. Но они,

как правило, приезжают со свитой, о приезде в ансамбле знают сильно заранее, и встречают либо хлебом-солью с последующим коньяком в кабинетах, либо хорошо отрепетированным «Ой, а мы вас не ждали!», показывая Высокому Гостю как бы рабочий процесс.

Но и в первом, и во втором случае, среди встречающих в первых рядах оказывается руководство ансамбля и милостивые детишки, умеющие неподдельно сиять лицом и глазами при виде Небожителя.

А я недостаточно улыбчив, не готов сиять, правильно отвечать на тупые и абсолютно однотипные вопросы коммунистических старцев и лобызаться с мужчинами в морщинистые уста, так что в составе встречающих если и оказываюсь, то редко, и как правило, в задних рядах.

Биография родителей, полагаю, если играет в этом какую-то роль, то исчезающе маленькую. В основном – собственное моё нежелание, ну и пожалуй – неправильная физиономия и манеры.

Причём претензии отнюдь не к еврейству, как можно было бы ожидать, а скорее к тому, что я слишком – «не советский» типаж. Все мои роли, в том числе и не случившиеся, они либо белогвардейские, либо дворянские... хотя казалось бы!

Перебирая воспоминания, отбрасываю одно за другим – не годится, и это не годится...

Ведь напиши я правду, и через три дня подробности письма будет обсуждать весь Посёлок! Весь!

А там и Колька Второв с папашей активизируются, и... не знаю, но найдутся и другие. Я ж тогда, пока с телом не сжился, со стороны одержимого, наверное, напоминал... да и так-то, как и у любого мальчишки, хватало искренних, неподдельных врагов.

Одно на другое если наложилось у кого в голове, триггернуть может не на шутку!

А у отца? А у мамы? Они ж не святые, и среди людей жили, как все.

Кому-то ноги оттоптали, кто-то им... а теперь, если рассказ о нашей жизни разойдётся кругами по воде, так сразу всё вспомнится!

Наверняка ведь найдутся те, кто поскрипит зубами, помучается бессонницей пару ночей или пару недель, да вспомнит классику советского эпистолярного жанра – то есть анонимки и доносы...

... потому что – не как все, потому что – лучше стали жить! А советская общественность, кто бы что ни говорил, это не только про дружбу, но и про ведро с крабами¹⁰.

¹⁰ **Менталитет краба** (англ. *Crab mentality*, иногда *crab bucket theory* – «теория ведра с крабами») – понятие, обозначающее разновидность эгоистичного поведения без рассмотрения долгосрочных последствий. Название происходит от поведения посаженных в ведро крабов: некоторые из крабов могли бы выбраться из ведра, но когда они достигают границы ведра, другие крабы вцепляются в них и мешают им выбраться.

Это ж здесь, в СССР, а потом и в России, фраза «Ты что, самый умный?» звучит угрозой, а ещё чаще звучит пожелание стать проще. Как все...

А у меня жизнь и без того достаточно сложная, чтобы писать, зная, что оно непременно аукнется неприятностями...

... и не зная, что делать, я просто лежал, глядя в потолок и вспоминая посёлок, и чувствуя, как с каждой минутой отдаляюсь от Ваньки и Лёхи, и во мне будто рвётся что-то очень важное...

... и я не знаю, что делать, потому что всё – хуже.

* * *

– Можно? – приоткрыв дверь, заглядываю в танцкласс, ни на секунду не прекративший занятия из-за такой ерунды, как я. Подумаешь, фифа! У нас не на каждого генерала отреагируют! Так, покосятся...

– Савелов? – быстро взглянул на меня хореограф, не прекращая контролировать учеников, – Выздоровел?

– Да, Павел Игнатьич, – протягиваю справку.

– Ну смотри... – пробежав её глазами, качнул головой наставник, не став продолжать.

– Да точно, точно! – понял я недосказанное, – Пал Игнатьич, я же не балбес какой! Мне не голову проломили, а просто кожу рассекли! На третий день уже всё нормально было, а неделя, это так... перестраховался участковый.

– Ну да, травма головы штука такая, что лучше перестраховаться, – понимающе кивнул хореограф, – Постой! Рассекли?

Он подозрительно уставился на меня, сощулив глаза и пытаясь продавить взглядом.

– Рассекло! – поправляюсь я, – Оговорился!

Как и положено, я отвожу глаза в сторону, потому как пободаться взглядами я могу и с куда как более серьёзными людьми, но – не положено! Есть правила игры, согласно которым взрослый, а тем более учитель, существо априори высшее, с которым не то что в гляделки играть, а пререкаться нельзя! Уши надерут мигом, и что характерно – при полной поддержке окружающих... а родители потом добавят вдвойне!

– Ну смотри, – качнул головой наставник, который, полагая, о моём участии в драке знает всё, но (согласно правилам игры!) делает вид, что вот ну совершенно не в курсе... – Завтра чтобы как штык был, ясно?

– Ясно, Павел Игнатьевич! – вытянулся я, – Как штык!

По белогвардейски щёлкнув каблуками и вскинув голову, я вылетел из класса под смешки приятелей и заспешил прочь, едва заметно улыбаясь пусть мелкой, но удавшейся провокации.

Манеры у меня те самые, поставленные для фильма старичками и старушками из «бывших», а поскольку я и ранее не сморкался в скатерть и умел пользоваться за столом

не только ножом и вилкой, то и получил несколько больше, чем остальные в нашей группе.

А у Пал Игнатьича на это что-то вроде аллергии, несколько странной, и, пожалуй, забавной, при его-то профессии. По этому поводу ходят разные слухи, но я склоняюсь к мнению, что в молодости он влетел в очередную «Кампанию» и долго, мучительно отмывался от обвинений в преклонении перед старым режимом и недостаточном уважении пролетарской культуры.

«Влететь», при некотором «везении» можно было на раз-два, особенно в творческих коллективах, с их гадючьей средой. Да и судя по возрасту, его юность пришлась на конец двадцатых и начало тридцатых, а тогда, если не ошибаюсь, шла массовая компания по «очищению» армии от военспецов¹¹.

Ну и как водится в СССР, кампания была широкой, массовой и всеохватной, так что брызгами могло окатить всех причастных и не причастных, а пресловутыми «щепками» оказаться было легче лёгкого.

Какой-нибудь деятель культуры, делающий карьеру не за счёт таланта, а за счёт пролетарского происхождения и поли-

¹¹ Дело «Весня» или «Гвардейское дело» – репрессии, организованные в 1930–1931 годах органами ОГПУ в отношении военспецов – военнослужащих командного состава Красной армии, служивших ранее в Русской Императорской армии, а также гражданских лиц, в том числе бывших белых офицеров. Только в Ленинграде в мае 1931 года по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек.

тической активности, расчищающий себе дорогу и давящий потенциальных конкурентов, легко мог сломать судьбы десяткам людей. Не обязательно со ссылками, лагерями и поражением в правах, а просто вот так вот... оставив на всю жизнь напуганными, знающими свой шесток и с предупредительной пугливостью уступающими дорогу любому наглечу.

... когда я ссыпался вниз по лестнице, мелькнула мысль, что завтра Пал Игнатъич мал-мала отыграется на мне, но это – тоже правила Игры!

– Всё? – нетерпеливо поинтересовался Стас, ожидающий меня у входа с сигаретой в руке, и тут же, не дожидаясь ответа, заспешивший к остановке.

– Угу, – на ходу натягиваю вязаные перчатки и догоняю приятеля, пристраиваясь слева, – так чего спешка-то?

– Я не говорил? – удивился Стас, – С родными познакомиться хочу.

– Да? Разве не с новой группой? – засомневался я, – Какие-то твои знакомые...

– Это тоже, – не оборачиваясь, ответил он, – но дед обещался зайти, ненадолго. Познакомить вас хочу.

Пожав плечами на эти армянские заморочки, заскакиваю вслед за ним в автобус, едущий в один из новых микрорайонов, и передаю пяточок за проезд. В автобусе пышет жаром печка и одновременно сквозит изо всех щелей, но впрочем,

всё как обычно!

А может, я всё-таки придираюсь? Когда ещё несколько лет назад умащивал задницу на сиденье собственного, и далеко не дешёвого авто, пересаживаться, даже изредка, на общественный транспорт было мукой-мученической! Всё не то, и всё не так... а уж когда этот общественный транспорт создан по технологиями нынешнего времени, и эксплуатируется тят-ляп, то это ужас хтонический!

Полагаю, для выходца из колхоза, привыкшего каждое утро пешком добираться на ферму, отстоящую от его дома километров этак на пяток, да по грязи, всё это представляется совершенно иначе. Но я – не он...

За окном, несмотря на время, едва перевалившее за три часа дня, уже начинает ощутимо темнеть от сгущающихся туч и надвигающихся сумерек, а порывистый ветер, дующий со всех сторон разом, обещает, что снег будет не просто с неба, а – в морду! Привалившись к поручню, поглядываю в окно, глядя то на небо, то на проплывающие мимо нас виды, вполуха слушая Стаса, рассуждающего о своей группе.

– Кхе... – поперхнулся я, – Как, говоришь, твоя группа называется?

– Политбюро, – отозвался тот со смешком.

Угукнув, тему развивать не стал, памятуя о лишних ушах вокруг. Граждане, особенно старшего возраста, иногда бывают излишне бдительными и активными, и доходит порой до совершеннейшего идиотизма.

Если в школьном хоре петь «Коричневую пуговку, слушать рассказы о пограничнике Карацупе и видеть вокруг плакаты с надписями «Не болтай», то окружающая действительность кажется соответствующей, а шпионы, вредители и прочие мерзавцы будут мерещиться повсюду.

Я ещё в «Доме Колозника» слышал истории о задержанных рассказчиками вредителях, якобы распространяющих колорадского жука на колхозных полях. Не уверен, давали ли «вредителям» реальные сроки, но ведь задерживали «подозрительных», и благодарности за это получали¹²!

В тусовке неформалов, например, едва ли не каждый может «похвастаться» задержаниями за внешний вид – не такой, понимаешь ли, как у всех советских граждан, а значит – неправильный. В первую очередь, конечно, милиционеры стараются, с проверкой документов, выяснением обстоятельств и последующими сигналами на место работы или учёбы.

Было, не было... доказывай потом, что не было, ведь бумага – вот она! И на милицию тут не наговаривайте! Бдят! Ведут воспитательную работу!

Отдельно – граждане со шпиономанией, которые нороят не просто сдать подозрительного человека милиционеру, но и подчас придумывая подробности. Бывает, «обществен-

¹² Слышал с десятков таких историй от свидетелей событий, притом уже в новейшие времена. В одной даже фигурировала машина с иностранными (дипломатическими!) номерами, заехавшая прямо на колхозное поле, и там потом (якобы) нашли коробочку с колорадскими жуками.

ность» задерживает и сама, и это почти всегда – ой... с последствиями, вплоть до травматологии.

– Приехали, – пару минут спустя сообщил мне Стас, протискиваясь к выходу мимо толстой бабки колхозного вида, раскорячившейся со своими сумками и узлами на весь проход, и бдительно растопырившейся над ними, не иначе как воспринимая всех москвичей потенциальными ворами и грабителями.

– Да чтоб тебя! – ругнулся он на водителя, выходя из автобуса в лужу, и, шипя не хуже рассерженного кота, переходя её на цыпочках. Я примерился было перепрыгнуть, но на влажном асфальте уже лежит тонкий покров снега, и... к чёрту! Авось...

... но нет, всё-таки промочил!

– Где же... – бубнит себе под нос Стас, вглядываясь в дома, но очевидно, в мрачной зимней темноте, да когда ветер со всех сторон несёт крупные хлопья сырого, рыхлого снега, всё выглядит несколько непривычно.

– А, всё! Понял! – воскликнул Намин, и, повернувшись ко мне, пояснил:

– Я в последний раз здесь весной был, а сейчас вон сколько новых домов появилось! Да и... чёрт, ландшафт несколько иной был, – усмехнулся он, обходя груды промёрзшего песка, выползшего за пределы строительной площадки, прямо на тротуар.

Лифт, как водится, не работал¹³, так что на седьмой этаж мы поднимались пешком, но впрочем, невелика проблема.

– А, Стас! – заорал уже хорошо нетрезвый парень, открывший нам дверь после длинной череды нажатий на дверной звонок, – Ахпер ес¹⁴!

Обняв Стаса и коснувшись щекой щеки, он обратил внимания на меня, и, обхватив мою руку своими, не выпуская при этом терпко пахнувший бокал, затряс.

– Рад, очень рад... вы же Миша, так? Стас много о вас рассказывал! Давай на ты, да, брат?! Шалом!

– Шалем у враха, – отвечаю на автомате, пожимая не то руку, не то бокал.

– О! – неведомо чему восхитился встречающий, – Рад, очень рад! Ну что же вы на пороге стоите? Проходите, проходите!

В трёхкомнатной квартире, не слишком просторной, пока не слишком громко, проигрывается на пластинке что-то джазовое и смутно знакомое, и уже изрядно накурено, но пока не пьяно. Собственно, единственный пьяный, это встретивший нас парень, он же владелец квартиры.

Народу – полно! Чёрт его знает, но советская действительность, с квартирниками и вечеринками, какая-то всегда шпротная, душная, накуренная и пахнущая разом табаком,

¹³ В новых микрорайонах проблемы такого рода были почти всегда и устранялись годами.

¹⁴ Брат мой. Не обязательно буквально, просто одна из форм приветствия.

водкой, духами «Красная Москва» и всякой дрянью.

В кафе почему-то собираться не принято, во всяком случае вот так вот, компаниями. Хотя чего это я... основное ж в таких посиделках, это не еда, а кухонное диссидентство, с анекдотами о Вождях, приглушёнными разговорами о запрещённом Самиздате, да песни из числа неодобряемых цензурой.

В зале накрытый стол, заставленный всякими советскими деликатесами, и он не то чтобы ломится, но всяких ветчин, нарезок и вазочек с икрой с избытком! Дорохо-бохато...

Кто-то возится на тесной кухоньке, из которой тянет запахами и жаром, а заодно – сквозняком из открытой настежь форточки. Слышны только голоса, звоны и звяки, да ясно, что там, на кухне – своя атмосфера, где теснота – не всегда плохо...

Стас, не теряя времени, всучил мне переданный кем-то бокал с коньяком и принялся знакомить с присутствующими. Отпивать не спешу, но судя по запаху... а впрочем, по нарезкам можно понять, что подделок или дешёвых аналогов здесь не будет по определению.

– Слава! – перекрикивая музыку, не ко времени сделавшуюся слишком громкой, представлял он мне своих знакомых. Послушно жму руку волосатому Славе, рассказывая, что мне очень, очень приятно...

– Ованес... – небрежная отмашка рукой на встретившего нас парня. Дальше я не понял, кем и каким именно боком

он приходится Стасу. Не то дальний родственник и почти близкий друг, не то хороший друг близкого родственника... но в общем, родной человек и почти что брат.

– Лариса Кашперко... – представляет Стас миловидную девицу примерно моего возраста, – она вместе с Ниной в школьном ансамбле поют.

– «The Kids», – уточнила Нина, сделав паузу, но я, не чуткий и не понимающий, даже не попытался делать вид, что хоть что-то слышал о них. Сколько их, таких школьных ансамблей?

– Андрей... Андрей! – Стас повысил голос, махнув смутно знакомому парню, хохочущему в компании двух девчонок.

– Андрей, собственно лидер группы «The Kids», – представил мне парня Стас.

«– Макаревич» – мысленно добавил я, дорисовывая кудри и сообщая, что мне очень приятно...

Пиетет? Да откуда... привык уже, не вздрагиваю...

Грея в руках бокал с коньяком, перемещаюсь по квартире, общаясь понемногу с каждым. Звонок...

– Дед приехал! – громко сообщил Стас, выглянув зачем-то в окно, и музыку тут же сделали потише, а сигарет чудесным образом стало меньше.

«– Ага, – озадаченно констатировал я, разглядывая зашедший в квартиру портрет – так, по крайней мере, мне показалось сначала... – так вот кто у тебя дед! Чёрт, ведь всё

очевидно было...»

– Михаил? – улыбается Анастас Иванович, пожимая мне руку, – Очень рад наконец-то познакомиться с вами!

Улыбаюсь, и, кажется даже, не слишком натужно отвечаю на несколько вопросов. Впрочем, Микоян не стал долго задерживаться, и, уделив мне минуту, поздравил Ованеса, вручив тому какой-то свёрток, выпил бокал вина и удалился, тактично не заметив сигаретного дыма и бутылок с вином на столе.

– Ага... – вылезло из мен, – дай сигарету, что ли...

Дав сигарету и подкурив, Стас привалился рядом, подперев стену спиной.

– Ты что... – он смерил меня взглядом, – не знал?

– Да ну... – пожимаю плечами, – получается, так! Сейчас вот вспоминаю, и кажется, что всё очевидно было, а так...

Я хочу рассказать ему, что до сих пор не всегда понимаю сложный Эзопов язык, которым часто говорят в СССР. С намёками на намёки, отсылками на какие-то знакомые с детства вещи, подмигиваниями и прочим...

... но сдерживаюсь, буквально в последний момент.

– Вот потому-то... – начал было Стас, но, не договорив, засмеялся, и, положив руку мне на плечо, сжал его. Мы с ним молча докурили, и это молчание, мне кажется, значило больше, чем часы разговоров.

С уходом старшего Микояна градус вечеринки стал нарас-

тать, голоса стали громче, а концентрация табачного дыма в воздухе достигла критических значений. Курят даже за столом, просыпая пепел на еду и используя в качестве пепельниц опустевшие блюда.

Чёрт его знает... но мне кажется, это не сколько потребность в никотине, сколько выдох облегчения после ухода Члена Политбюро.

За столом, в гостиной, меньше половины присутствующих, остальные кто где. Девчонки то присаживаются на коленки к парням, то шушукаются в углу за шторами, залившись хохоча чему-то своему, то уходят на кухню без явной необходимости, или в ванную – поудрить носики и освежать макияж...

... или что ещё они там делают.

Девчонки, к слову, симпатичные... хотя бы своей молодостью и задором, блестящими глазами и раскованными, но не развязными манерами. Они пьяны вином и без вина, шальные не столько от градуса, сколько от самой обстановки – светской, почти западной... как представляется им.

Среди парней самый старший (и самый пьяный!) Ованес, громче всех хохочущий и больше всех хвастающийся невпадом. Он вообще – весь невпадом, плохо вписываясь в тусовку московской золотой молодёжи, и кажется даже, в эту квартиру.

Кем именно он приходится Микоянам, я думаю, знает только сам Анастас Иванович, лоббирующий интересы мно-

гочисленной армянской диаспоры и ничуть не стесняющийся использовать для этого своё положение. Кумовство и коррупция для Партийной верхушки правило, а не исключение, использование служебного положения в корыстных целях – норма¹⁵.

С поправкой на кавказский менталитет, оно и вовсе интересно выходит...

Бокал коньяка, который я за каким-то чёртом выпил на пустой желудок, плещется, кажется, в голове, прилично ударив по мозгам. Меня не сильно, но ведёт, и, присев наконец на свободное место рядом с Макаревичем, я решил поест.

Но сперва...

... достав пачку «Мальборо» прикуриваю, небрежно выкладывая сигареты на стол.

– Угостишь? – спрашивает одна из девочек, как там её... Небрежно киваю, растягивая губы в улыбке, та берёт сигарету и прикуривает, смущаясь моего оценивающего взгляда.

«– Пионэры!» – уныло констатирую чуть погодя, опуская глаза и начиная вяло ковыряться в тарелке. Надежда, что вечер может закончиться несколько более интимно, сдувается проколотым шариком.

– Что такое не везёт, и как с ним бороться, – мрачно бор-

¹⁵ Я надеюсь, что сторонники карамельного СССР не будет опровергать эти факты?

мочу себе под нос, не особо вслушиваясь в разговоры, ведущиеся за столом. Так... вполуха.

Ещё раз покосившись на девчонок, и оценив степень их привлекательности, занятости и потенциальных затрат времени и нервов, подцепил с большого блюда гренку с «еврейской закуской», щедро пахнущей чесноком, и мрачно захрустел. Раз уж не светит интим, то и чёрт с ним... да и зря, что ли, готовили?

«— Мама лучше делает», — оценил я сумрачно, и снова вздохнул. Либи́до, как назло, рвёт штаны... а тусовка здесь такая... не слишком такая!

С точки зрения человека и гражданина, ну и медицинской статистики, это хорошо и правильно. Но с точки зрения молодого парня на пике полового созревания — засада...

Рядом, на коленках у Макаревича, как назло, симпатичная девчонка, и у них, поклясться могу, всё в порядке, и даже более чем!

А у меня с Таней — всё сложно... как назло! Только начинает что-то налаживаться, и какой-то подвох всплывает, какая-то непредвиденная гадость... и снова ходим кругами, страдая.

Нет, секс у меня бывает периодически, и не только в ванной, наедине с самим собой. Я ж всё-таки в тусовке неформалов, и считаюсь там не последним человеком, а девушек свободных взглядов в этой среде предостаточно, иногда даже — слишком свободных.

Но хочется-то, чтобы на моих коленках не просто тёплое-мягкое-женское сидело, а – Таня! Ну... и не только сидела, а вообще...

А она комсомолка, и вся такая правильная-правильная... искренне, что характерно. Да ещё и папа – коммунист со стажем, и антисемит, тоже со стажем.

Ну и я... то привод в милицию за внешний вид, то меня в венерологии видели. Доказывай потом, что ничего не было, и что кожвен, это не только «вен», но и «кож». Люди зря говорить не будут!

А они, суки, говорят... папа, мама, общественность эта чёртова! Все эти бабушки-соседки, знакомые с детства и желающие добра! Партия, опять же... комсомол, который «есть»¹⁶!

У нас с Таней из всего интима – поцелуи, да лёгкий петтинг, и чем дальше, тем больше я думаю, что надо бы эти отношения рвать! А то выходит у нас какая-то дурацкая вариация на тему «Ромео и Джульетты», а я ни себе, ни Тане не хочу ролей трагических персонажей.

– Если бы всё было так просто, – бурчу вслух, вспоминая, что расстаться, разорвать отношения, не так-то просто, если вы живёте по соседству, и пересекаетесь, даже не сговариваясь, минимум по два раза на неделе.

– Да всё просто, старик! – отозвался Макаревич, решив,

¹⁶ Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть! Фраза, очень растиражированная в годы СССР.

очевидно, что я ответил на какие-то его слова, – Всё на самом деле просто!

Повернувшись ко мне, он, дирижируя погасшей сигаретой, принялся вещать о том, что многие вещи в мире только кажутся сложными, но на деле, если смотреть в самую суть...

... и через несколько минут мы, кажется, стали приятелями. Может быть, потому, что я, в общем-то, не спорил с ним, а просто ел, пил и кивал, думая о своём.

– Старик! Нам нужно выпить! – поведал Андрей, и мы выпили. Чуть-чуть!

А потом, так же по чуть-чуть, я выпил и с остальными, потихонечку вливаясь в компанию и отживая. Проблемы с Таней и вообще – проблемы, остались не то чтобы в прошлом, но где-то в стороне. А здесь и сейчас – вино, еда, голос Луи Армстронга, звучащий с пластинки, и, чёрт подери, не самая плохая компания!

– Миша! – окликнул меня Стас, – Как, не слабó Армстронга повторить?

Волосатый Слава уже вытащил откуда-то саксофон и продувает его, трогая клавиши.

– Легко! – отозвался то ли я, а то ли коньяк в моей крови. Начав было вспоминать, быстро запутался, и, взяв пластинку, пробежал глазами по названиям песен.

– Смогёшь? – интересуюсь у Славы, в ответ кивок, и несколько секунд спустя саксофон начал петь, а чуть погодя подхватил и я...

– Go down Moses
Way down in Egypt land
Tell all Pharaoh to
Let my people go!

When Israel was in Egypt land...
Let my people go!
Oppressed so hard they could not stand...
Let my people go!¹⁷

Ну и... всё! Можно сказать, что с этой песни и начался квартирник.

Личности здесь собрались сплошь творческие, и если не петь, то подпеть или подыграть может каждый, хотя и не сказать, что все – хорошо. У того же Макаревича голос такой... специфический, не каждому зайдёт. А сейчас он под-росток и... вот совсем не заходит, но – не морщусь! Стара-юсь, по крайней мере...

Песни... и разговоры, разговоры... Кто хочет – поёт, кто хочет – слушает, остальные – говорят каждый о своём.

В одном углу – о творчестве, в другом – о политике... школа и прочее – табу! Все – взрослые, все – одухотворён-ные, все – политизированные.

¹⁷ Ступай, Моисей
В землю Египетскую.
Скажи фараону
Отпусти мой народ!
Когда народ Израилев в Египте
Отпусти мой народ!
Изнывает под тяжким игом
рабства
Отпусти мой народ!
Натяжки совы на глобус здесь нет,
Армстронг был популярен в СССР,
а песня – одна из самых известных у него.

– «Радио Свобода», записал...

Слушают, что характерно, не столько разговоры о том, как всё плохо в Совке, сколько музыку, разговоры – фоном! Не все, далеко не все... но большинству – дай чуть-чуть свободы, как в Польше, Югославии или Чехословакии, и хватит. За глаза!

Кооперативное движение, западные лейблы в стране, возможность официально, без дурных препятствий, выезжать из страны, в том числе и на заработки, но...

... нельзя.

Почему тем же полякам, чехам, венграм и югославам всё это можно, а гражданам СССР – нет, знают, наверное, только сами кремлёвские старцы. Наверное.

Не в первый, и наверное, не в последний раз, приходит в голову мысль, что Союз можно было сохранить. Да, реформы, да...

... но не вышло, и, наверное, не очень-то и хотели, по крайней мере – там, наверху.

– Я окна открою! – крикнула Нина Баранова, – Очень уж накурено! Никто не против?

– Сейчас, – с прорезавшимся армянским акцентом сказал Ованес, тяжело вставая с дивана, – минуточку!

– Вот, – сообщил он, очень быстро вернувшись, – пледы, кому холодно!

С благодарностью кивнув, взял плед, а остальные – кто

как, и Нина распахнула окна. Табачный дым медленно потянулся наружу, к бархатному покрывалу ночного неба, на котором мерцают редкие звёзды.

Музыкальное настроение отошло в сторонку, и только Макаревич что-то тихонечко наигрывает на гитаре для подруги, кажется, подбирая слова для песни. Остальные заговорили кто о чём, и как это бывает, наверное, только в СССР, разговор свернул на политику.

На слуху у всех недавнее восстание в Чехословакии, задушенная танками «Пражская Весна», и реакция на эти события в мире и в Союзе. Собственно, всё это очень свежо и для многих – болезненно.

Для меня тоже болезненно – одного из демонстрантов, Вадима Делоне, я знаю лично, так вот вышло. Не друг, не приятель... но знакомый, и притом из тех, кто мог бы стать другом. Если бы...

– ... не понимаю, зачем? – кусает губы одна из девочек, вспоминая «Демонстрацию семерых»¹⁸ на Красной площади, – Ведь понятно же, что бессмысленно, что всё решено! Зачем?!

– Рабство начинается с молчания, – отозвался я...
... или всё-таки алкоголь?

¹⁸ Демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года (также называется «демонстрация семерых») была проведена группой из восьми советских диссидентов на Красной площади и выражала протест против введения в Чехословакию войск СССР и других стран Варшавского договора.

Глава 4

Один день

– Михаил! Савелов! – оглядываюсь, невольно сбиваясь с шага, но не могу понять, кому я, чёрт подери, понадобился с самого утра? Поток людей в проходной, густой и тягучий, тут же наказал меня за остановку, закружил с собой, наступая на пятки, зло толкаясь в спину и пихаясь бока, внёс, втащил на территорию Трёхгорки несколько потрёпанного и куда как менее довольного, чем минутой ранее.

Почти тут же сзади вцепились в рукав пальто, за каким-то чёртом дёргая, и...

– От всей души благодарствую, боярин! – ёрничая, чтобы не сорваться на мордобой, в пояс кланяюсь нашему комсorghу, отыгрывая сценку из цеховой самодеятельности, в которой я недавно участвовал.

Настроение стремительно летит в пропасть, потому как день, ну один к одному! Погода эта мерзкая, тычки в спину, полуоторванный рукав пальто... и готов поклясться, комсорг сейчас с какой-нибудь гадостью приставать будет!

– ... только ты, неохваченным остался, понимаешь? – вещает Фрадкин, норовя забежать вперёд и заглянуть в лицо, – Вся цеховая молодёжь состоит в комсомоле, все сознательные!

На это утверждение хмыкаю, не вступая в заведомо проигрышный спор. Бессмысленно... я его аргументами, а он меня – цитатами из марксизма-ленинизма, выворачивая всё так, что оспаривать его точку зрения, это чуть не против Советской Власти идти.

– Ну ты же нормальный парень, – не унимается комсорг, – так зачем отрываться от коллектива! Ребята у нас, ты знаешь, замечательные, опять же – дата знаменательная!

Какая именно дата, я уже не спрашиваю. Дат этих... не на каждый день, но на каждую неделю, и с избытком, и все – знаменательные. Было когда-то что-то... и это когда-то что-то попало в коммунистические Святцы, и всё, не сотрёшь! Хотя если попытаться разобрать критически... впрочем, критически нельзя, нужно Верить.

Комсорг наш из тех, что святее Папы Римского быть пытается – очень уж ему хочется стать не просто комсоргом, а освобождённым¹⁹, но желающих много, а мест – мало. А он – Фрадкин, а не Иванов и не Алиев, что значит, пригляд за ним плотный.

Последнее – в минус, но одновременно и в плюс. Фрадкин наш, этакий шабес-гой²⁰ наоборот, хочет комсомоль-

¹⁹ *Комсорги* были *освобождённые* (то есть, это была их основная работа) – на крупных предприятиях. В мелких ячейках это была общественная нагрузка.

²⁰ **Ша́бесгой, ша́бес-гой** (идиш **שבת-גוי** – субботний гой), **гой шель шабат** (ивр. **גוי של שבת**), **шаббат-гой**, – нееврей, нанятый иудеями для работы в шаббат (субботу), когда сами ортодоксальные иудеи не могут делать определённые вещи по религиозным законам.

скую и партийную карьеру больше, чем кушать, и очень старается, горя сам, и не светя, а скорее – поджигая других. Этаким пример интернационализма...

... но по мне, он скорее козёл-провокатор²¹, и верит ли он в то, о чём говорит, большой вопрос.

Сейчас, в настоящее время... не знаю, вот честно, не знаю! Наверное, хватает и искренних коммунистов, по крайней мере, на низовых должностях.

А после... сам я этого не застал, но когда выезд из СССР стал более-менее свободным, все эти комсорги-парторги рванули первыми. В Израиль, в Америку, в Германию... независимо от национальности – действительной, или по паспорту. Сразу вспомнили, что они – евреи, немцы, поляки... или просто, возможность была, без привязки к какой-либо национальности.

– К дате, а?! – он забегают вперёд, заглядывая в глаза и мешая идти. Невысокий, щуплый, с пронзительным немигающим взглядом и невероятно настырный, он как идеологический репей.

Выясняется (хотя я и не спрашивал), что дата эта – тридцатого декабря, день образования СССР в тысяча девятьсот двадцать втором году, и он, Фрадкин хочет...

– Отцепись, а? – грубо прервал я его, – Я из-за тебя на ра-

²¹ В обязанности козла – провокатора входит сопровождение отар овец на бойню, при этом сам козёл выходит оттуда невредимым, зная о расположении скрытого выхода.

боту опоздаю!

... и опоздал.

– Да комсорт наш, Петрович! – прыгая на одной ноге, пытаюсь попасть в штанину и не выпрыгнуть с самодельного коврика, подстеленного под ноги, – На проходной выцепил, зараза такая... вон, погляди!

Придерживая одной рукой штаны, сунул наставнику пальто, нужным рукавом в лицо.

– Вот же... – помягчел Петрович, – я бы за такое...

– Кхе! – спохватился он, вспоминая о педагогике и закуривая.

– С трудом удержался, – признаюсь наставнику, накидывая наконец на плечи куртку и выходя вслед за ним, – А уж по матушке как хотелось!

– Это да, – зубасто ухмыльнулся слесарь, – Нехорошо, конечно, когда по матушке, но так-то, в три-три загиба все пожелания завернуть по необходимости, оно никогда и нигде лишним не будет! Ну и что хотел?

– А в комсомол звал, – пожимаю плечами.

– Ну... – дело, пыхнул Петрович, ну ходу пожимая руку какому-то знакомцу, – а ты что? Дело хорошее, и в цеху один ты остался из молодёжи, кто в комсомол ещё не вступил.

– А я что? – моментально потею, – Петрович, ну ты же нашего комсорга знаешь!

Мучительно ищу слова и доводы, и наконец, после томи-

тельных секунд, нахожу-таки.

– Он же... он же зуда с самоподзаводом! – цитирую сказанное некогда самим Петровичем, на что тот только кхекает озадаченно, битый собственным козырем, – Был бы нормальный комсорг, а не этот...

Машу рукой, и, тут же, предупреждая несказанное ещё наставником, продолжаю на волне вдохновения:

– Да вот хоть Пашка Смолянинов! А?! Или Ваня Рыбкин из моего класса! – давлю на Петровича, – Нормальные парни, надёжные и простые.

Петрович кивает машинально, Пашка ему крестник и какой-то не слишком дальний родственник, да и с Ваней они вполне в приятельских отношениях – с почтительной поправкой на возраст и некоторую разницу в интересах, разумеется.

– Погодь! – озадаченно спохватывается он, – А какая разница? Один чёрт...

– Петрович! – взвыл я, – Да на него ребята жалуются! Он же, чёртушко, деятельный, как псих во время обострения! Самодеятельность, концерты какие-то, мероприятия...

– И что? – не сразу понял тот, – Ты же всё равно...

– А... – он пыхает папиросой после нескольких секунд сосредоточенного молчания, во время которого его лоб собрался непривычными морщинами, – понял! Ты ж и музыкант, и танцор... Да, этот заебёт! Говоришь, ребята жаловались?

— Ну да, — развожу руками, — а что толку? Они даже к комс-
оргу завода ходили, но он им так мозги заплёл, что говорят,
вышли, и не помнили, о чём говорили. Поняли только, что
взяли на себя что-то там... повышенное.

Петрович агакнул, сощурившись куда-то и на кого-то, и я
понял — пронесло! Осторожно выдыхаю...

— Я это... — сообщил он голосом, в котором лязгнула
сталь, — с Валентинычем поговорю! Ну и вообще, с партий-
ными. А то ишь... пожаловаться не моги, мбзги крутят! Ну,
мы им...

«— Вы... — подумал я, — а потом они, а потом я что-ни-
будь ещё придумаю, а кто там по итогу первый сдохнет — шах
или ишак, мне непринципиально, отъебьтесь от меня со сво-
им комсомолом!»

Нет, так-то чёрт бы с ним, с комсомолом... я и в говно
вступал, и, по молодости, в одной из как бы оппозиционных
партий состоял. Недолго.

Но с учётом биографии, национальности и музыкаль-
но-танцевальных талантов, у меня не выйдет просто всту-
пить, чтоб как все. Чтоб можно было водку пить, безобра-
зия культурно нарушать, а из всей комсомольской активнос-
ти, так только голосовать, как надо, да иногда на субботни-
ки выходить, к датам.

Сразу во все стороны потянут — и петь-танцевать, и рас-
сказывать о неприятии сионизма... и за рок-концерты,
опять же, песочить начнут с удвоенной силой! Насмотрел-

ся...

А мне ни одно, ни второе, ни третье... а поможет ли мне это вступление в комсомол хоть как-то, вопрос большой и не ко мне!

– Петрович! – зайдя в кладовку и закрыв за собой дверь, перекрикиваю шум станков, разговоров и радио, – Я в столовую сегодня не иду, не жди!

Наставник, занятый увлекательным делом, не слышит, он весь в азарте, в борьбе...

– ... а я тебя кумой! – и летят засаленные карты на фанерку, положенную на поддоны.

– Петрович! – осторожно обходя игроков, рассеявшихся с картами и разговорами на полу подсобки, подхожу к нему и наклоняюсь.

– А? Чего тебе? – наконец-то реагирует тот, пряча за чем-то карты на доли секунды.

– Я в столовую не приду сегодня, не жди! – повторяю терпеливо.

– А чего так? – вскидывает тот бровь, и, заведя за спину мускулистую, на зависть иному гиревнику, руку, чешет старый шрам в районе лопатки.

– Дела! – сообщая, подавив некстати вспыхнувшее раздражение, – С другом договорились встретиться.

– А, ну давай... – потеряв ко мне интерес, Петрович продолжил прерванную игру и разговор о посиделках с удочкой

на зорьке, и я не совсем понял из обрывков фраз, что же в таком времяпрепровождении важнее – сама рыбалка поутру, когда природа расцветает, или припрятанная в камышах банка с пивом.

Да и сложно что-то понять в этой мешанине слов и смыслов, когда в одной куче крести, пики, зорька и окушки, а поверху – подмигивания, вздохи и междометия, понятные, наверное, только тем, кто давно в компании и привык в подобной манере общения. Я даже не пытаюсь...

Выйдя из проходной, сразу нагибаю голову и закутываю, насколько это возможно, нижнюю часть лица мохеровым шарфом. Ветер не то чтобы очень сильный, но пронзительный и пробирающий до самых глубин души, как голоса деревенских исполнительниц русских народных песен.

Ныряю в метро с нескрываемым облегчением, сразу же, по входу, расстёгивая пальто и снимая вязаную шапку в карман. Народу немного, что не удивительно в разгар рабочего дня, так что в вагоне, приветливо растворившем двери напротив меня, есть свободные места, и что поразительно – никаких бабок!

Невольно привлекает внимание упитанный дядька номенклатурного вида, в шапке-пирожке из каракуля, багровомордый и потный, сидящий напротив меня с пузатым, раздувшимся кожаным портфелем, явно из трофейных, озабоченно листает какие-то бумаги. Вид у него такой, что ещё чуть –

и не то орать начнёт на кого-то, не то с инсультom прямо здесь загнётся.

Вышел на Кропоткинской, и, пригнувшись навстречу ветру с колючим снегом, добежал до уговоренной чебуречной. С трудом распахнув массивную дверь с тугими пружинами, ввалившись во вкусно пахнущее нутро советского общепита.

Впрочем, приняхавшись, я несколько изменил своё мнение. К запаху свежих чебуреков примешивается тонкая струйка чего-то давным-давно закисшего, несвежего, и, щедро, вьёвшийся насмерть запах табака.

– Отряхнись! – рывкнула на меня некогда миловидная, но изрядно раздобревшая подательница благ, и видом, и характером, схожая с заветрившимся пирожком, – Вон веник стоит, в углу! Всему вас...

«– Клиентоориентированность! – усмехаюсь мысленно, отряхивая снег огрызком грязного, донельзя замусоленного веника, пока продавщица продолжает свой монолог, нимало не заботясь тем, что с ней никто не спорит, – С! Совок!»

За дальним столиком дремлет с надгрызенным чебуреком какой-то ханыга, вида самого пропащего и забубенистого. Увидев меня, он оживился было, но разглядев неподходящий для компании возраст, тут же потух, и, вонзив в чебурек остатки зубов, так и застыл, не то задремав, не то погрузившись в похмельные мысли.

Пройдясь, с некоторым сомнением выбрал стол, показав-

шийся мне чуть менее грязным и липким. Сейчас ещё ничего, а вечером и в выходные они постоянно залиты бульоном от чебуреков, и протираются, если протираются вообще, перманентно грязной и липкой тряпкой.

– Два чебурека, пожалуйста, – прошу недовольную тётку, подходя к прилавку, – и кофе!

Денег даю ровнёхонько, потому как сдачу здесь, в общем-то, получить можно, но эти липкие медяки мне омерзительны. Руки после них либо мыть, либо долго оттирать о пальто.

Устроившись за столиком рядом со стойкой, но чуть в стороне, у стены, с некоторым сомнением поглядел на чебурек, свисающий одним краем с тарелки на грязный стол, и начал есть. Несмотря на всю антисанитарию, довольно вкусно. Мяса, конечно, не докладывают, да и то, что кладут, скорее жир, жилы и лук с бульоном, но рецепт отработанный, и если не частить с посещением такого рода заведений, гастрит здесь не заработаешь.

Сняв пальто, набрасываю его на плечи, делаю глоток кофе, отдающего желудями, картоном и словом «эрзац», вгрызаюсь в чебурек. Вкусно! Впрочем, я неприхотливый, для меня и котлеты из школьной столовой, состоящие из кулинарного жира, жил и чёрного хлеба – вполне себе еда, пахнущая детством и ностальгией.

Чебуречная постепенно начинает наполняться посетителями, всё больше мелкими служащими из расположенных

по соседству контор. Народ, который ходит обедать в чебуречную, довольно-таки специфический, всё больше из холостых, неприкаянных и пьющих.

Мельком замечаю бутылку под соседним столом. Брылястый мужик, воровато оглядываясь и перемигиваясь с соседями, разливает в стакан из-под наспех выпитого чая. Все видят, все понимают, но это правила игры – вот так вот, воровато, озираясь по сторонам.

Потом, заранее поморщившись, хапнуть «писярик», прикусив чебурек, который нужно сперва вдохнуть, и только потом – жевать. Ну, им так вкусно... и кто я такой, чтобы осуждать?

Оглянувшись на сквозняк от входной двери, машу рукой Буйнову, и тот, не помешкав, подлетел, протягивая руку.

– Грязные, – предупреждаю его.

– А... сейчас такие же будут, – отмахивается тот, встряхивая кудрями и пожимая руку. Порывшись в карманах, он достал потрёпанный бумажный рубль с профилем Ленина, поспешив обменять его на чебуреки и кофе. Кофе здесь дрянь, да... но чай ещё хуже, хотя казалось бы!

Вот, к слову, одна из проблем – к еде я, в общем-то, неприхотлив, хотя предпочитаю есть вкусно, а не «в общем». А вот с чаем и кофе – засада! Здесь у меня с какого-то хрена прорезался изысканный вкус, чуть не сомелье!

Если кофе, и вполне приличный, достать в Москве

не слишком трудно, то вот с чаем – полный швах! Грузинский, это... пыль горных дорог, и не мной определение придумано. Есть ещё «со слоном», и он более-менее приличный, если с лимоном, но по мне – скорее менее...

Сашка, оттиснувший плечом от нашего столика какого-то мужичка, поставив на стол тарелку и стакан.

– Занято, отец! – беззлобно сказал он, – С другом вот встретились поесть!

Он парень крепкий и улыбчивый, и это сочетание работает неплохо, так что «отец» даже не ворчит. Благо, свободных мест за столиками хватает, это вечером здесь час-пик, не протолкнёшься.

– Вот... – выкладываю перед Буйновым тетрадь в клеенчатом переплёте, – пронумеровано. Исходник, буквальный перевод, и попытки переложить их на поэзию.

Он угукает, быстро перелистывает тетрадь, кивает чему-то своему, и, положив тетрадь между нами, принимается за еду.

– Перелистни, – просит он чуть погодя, и я, облизнув пальцы, листаю до нужной страницы. Пару минут спустя я доел чебуреки, оставив от них хвостики, и включился в работу по полной – листая, объясняя и напевая...

– Слышь, ты! Студент! – не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Буфетчица, уперев в толстые бока руки-окорока, недовольно смотрит на меня, назревая лицом на скан-

дал, – Поел, и вали!

– Не ругайся, красавица! – тут же реагирует Буйнов, поворачиваясь к ней и начиная плести словесные кружева.

– Ой... – не сразу, но она узнаёт его, – это же вы, да?

– Это я, – серьёзно ответил Саша, а я с трудом удержался от всхрюкивания – только что мегера грозная, и вот уже она – маленькая кокетничающая девочка. А мимика... а жесты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.